

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И СТАТЬИ

ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 94(3)

Специфика лекарственных растений в античной фармакологии

© 2013 г. Н.Е. Галочкина

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

galonatasha@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности лекарственных растений в античной фармакологии. На основе анализа источников выделяются основные проблемы, связанные с изготовлением, хранением и употреблением растительных медикаментов, как одного из видов фармакологического лечения.

Ключевые слова: античность, фармакология, лекарственные растения, ризотомы, фармакогнозия, медикамент, фитотерапия, эффективность медикаментозного лечения, привыкание, побочный эффект, дозировка, фальсификация медикаментов

«Quae medicamenta non sanant, ferrum sanat; quae ferrum non sanat, ignis sanat, quae vero ignis non sanat, insanabilia reputari oportet». Hippocrates. («Что не излечивают лекарства, то излечивает железо; что не излечивает железо, то излечивает огонь; что не излечивает огонь, то следует признать неизлечимым». Гиппократ) [1, с. 60]. Эта парадигма, сформулированная Гиппократом, дает наиболее общее представление об отношении к медикаментам в эпоху античности. Как отмечают некоторые исследователи, в те времена использование лекарств имело явное преимущество над хирургическим вмешательством, при котором существовал риск для жизни (кровотечение, заражение крови, болевой шок) [2, р. 304; 3, р. 6]. Поэтому фармакотерапия была одним из самых распространенных и наиболее действенных методов лечения. Античные специалисты [4–8] накопили богатейшие знания в области фармакогнозии [10]. Однако специфика лекарственных растений той эпохи не стала предметом целенаправленного изучения. В основном встречаются труды общего характера [2; 3; 10–20]. Вопросы, касающиеся технологии изготовления, эффективности воздействия растительных медикаментов, их фальсификации применительно к эпохе античности очень скупо освещены в историографии. Именно эти аспекты мы лишь попытаемся весьма кратко обозначить на основе анализа доступных нам источников.

В Древнем Риме и Греции сбором лекарственных трав занимались ризотомы [4, с. 321]. Феофраст [5, с. 288] и Плиний Старший сетуют на отсутствие у них определённой методики нахождения целебных растений: «на открытие одних навел случай, а на открытие других, сказать по правде, — бог» [6]. Наряду с профессиональными ризотомами существовали местные знахари, руководствующиеся при поиске трав «выдумками» и предрассудками, (например, остерегаться увидеть коршуна при сборе золототысячника), которые Феофраст считал нелепыми [5, с. 288]. Они не ставили своей целью изучение фармакологических свойств растений, встречающиеся в местах их проживания [6], поэтому часть знаний в этой области была утрачена ещё античными врачами и фармакологами. Некоторые виды целебных трав доставляли из Меотиды [5, с. 296; 6], Малой Азии [5, с. 118], Африки [5, с. 118]. По мнению М. Е. Сергеенко, такие «заграничные лекарства были разорительны» [11, с. 330]. Однако обойтись местными травами, как предлагал Плиний, было возможно не всегда. Феофраст, например, отмечал, что «...в каждой стране, имеется...растение, которое водится только там» [5, с. 119].

После сбора, целебные травы нуждались в правильной обработке. Возникает вопрос о технологии изготовления медикаментов. Самые простые способы предлагали Плиний и Феофраст. Плиний Старший сообщает нам,

например, о том, как корень скаммонии «выкапывают перед восходом созвездия Пса, сушат на солнце и изготавливают из него пастилки» [6]. Рекомендации Феофраста также сводятся в основном к высушиванию трав [5, с. 292 - 296]. Есть, правда, в труде «отца ботаники» сообщения о лекарствах из соков растений, который можно получить несколькими способами, когда он натекает сам, натекает из надрезов или получается в результате сложных манипуляций [5, с. 286]. Заметим, что некоторые данные Феофраста М. Е. Сергеев считает неточными, т. к. «текст или безнадежно испорчен, или он, сам не врач, не разобрался в сообщаемых ему сведениях» [12, с. 286]. Более сложную технологию изготовления медикаментов предлагал Гиппократ. Точка зрения Е.Г. Эляшевич относительно того, что древнегреческий врач использовал лекарственные травы «без переработки, такими, какими они созданы в целесообразном сочетании» [13, с. 104–106], представляется нам весьма сомнительной. Свидетельства источника позволяют сделать иные, прямо противоположные выводы. Некоторые растения лекарь рекомендует употреблять как в натуральном виде, так и в виде отваров, для которых в качестве жидкости можно применять вино или воду [7, с. 10–11; 8, с. 412–413]. Кроме того, Гиппократ при изготовлении лекарств использовал ингредиенты не только растительного, но также животного и минерального происхождения в их совокупности. Скажем, для приготовления катаплазмы (припарки) при воспалении раны древнегреческий врач советовал применять «сушеную желчь быка, первосортный мед, белое вино, в котором сварены лотос, ладан и столько же мирры, столько же шафрана...» [7, с. 11]. Важно подчеркнуть, на основе анализа сочинений Гиппократа прослеживается более сложный, комплексный подход к изготовлению лекарств. Много внимания древнегреческий врач уделял условиям хранения «препаратов». Сухие медикаменты (листья, цветы, корни), по мнению Гиппократа, следует беречь «в глиняных сосудах, новых, плотно закрытых» [4, с. 322]. Отвары и жидкие соки, он предписывает хранить в стеклянных [4, с. 322] или медных сосудах [7, с. 11]. Это тоже имеет свой смысл, т. к. медь, например, обладает целебными свойствами. Происходила химическая реакция между лекарством и данным металлом. Таким образом, чаша, в которой оно находилось, являлась своего рода дополнитель-

ным компонентом для снадобья, о чём сообщает Гиппократ [7, с. 11]. Важность процедуры хранения лекарств осознавал и Феофраст, отмечавший зависимость срока годности от правильного хранения [5, с. 298]. Пройдя все вышеназванные ступени обработки, античные медикаменты были готовы к употреблению.

Возникает вопрос о степени эффективности воздействия лекарственных средств. Наиболее действенными «препаратами» Гален считал, те которые были проверены ни одним поколением врачей [2, р. 316]. Важным составляющим в эффективности рассматриваемого вида лечения являлся методический компонент. Так, Гиппократ при сильной боли глаз рекомендовал использовать мазь из мирры и шафрана [8, с. 50 - 51]. Против нагноения ран, согласно древнегреческому врачу, необходимо применять сухие вещества, «наподобие порошка из лотоса, меди, квасца, халкита с медью» [7, с. 12], которые препятствовали накоплению влаги на поврежденном участке тела. Похожий взгляд на этот вопрос мы находим в трудах Цельса. Он также полагал, что заживлению ран способствуют сухие вещества: измельченные мирра, ладан [9]. Как видим, некоторые растительные ингредиенты, например, мирра входили в состав лекарств, предназначенные для лечения нескольких болезней (при сильной боли глаз и нагноение ран). Этим отчасти, определяется специфика целебных растений. У нас нет достоверных сведений о степени эффективности воздействия такого рода лекарственных средств, однако утверждать, что их применение в фармакотерапии не имело положительного результата, на наш взгляд, некорректно. Тем не менее, были и такие врачи, которые не признавали медикаментозное лечение. Так, Асклепиад из Вифинии, основываясь на теории солидарной патологии, вместо лекарственных смесей рекомендовал физиотерапию [19, с. 68; 20, с. 126–134]. Проанализировав источники, можно выделить целый ряд объективных факторов, которые, действительно, отрицательно влияли на достижение положительных результатов при фитотерапевтическом лечении, но были обусловлены не парадигмой Асклепиада, а различными по своей сути и содержанию моментами [21, с. 20–22]. Немалую роль в снижении эффективности воздействия лекарств играло привыкание к медикаментам. Здесь, необходимо сделать пояснение, так как имеет значение, с ка-

кого ракурса рассматривать понятие «привыкание»: с точки зрения зависимости или же приспособления. Феофраст отмечал, что «Все лекарства действуют на людей, к ним привыкших слабее, а на некоторых и вовсе не оказывают никакого действия» [5, с. 304]. Античный автор, скорее всего, имел в виду случай, когда происходила физиологическая адаптация к «препарату» вследствие постоянного употребления. Подобное свойство может быть отнесено и к ядам. «Некоторые ядовитые средства, ... от привычки перестают быть ядами» [5, с. 304–305]. В этом контексте привыкание могло спасти жизнь. Хотя, в источниках содержится немало сведений об удачных отравлениях [6; 22, с. 119–120; 23, с. 201; 24, с. 99], в которых зачастую были замешены лекари [17, с. 4; 25; 26, с. 22–27], вопреки принципу Гиппократовской этики «не навреди». Огромное значение для результативного лечения имела дозировка. Вследствие её превышения иногда проявлялись побочные эффекты, что могло повлечь за собой неисправимые последствия. Так, Гиппократ предостерегал от чрезмерного употребления чемерицы: «Спазм от чемерицы гибелен... появление спазм или икоты опасно» [4, с. 335]. На практике были случаи, когда пациенты погибали в результате побочных действий, возникающих после приема прописанных им лекарств. У некоего Тринаона наблюдался опистотонус, который был следствием воздействия раздражающего медикамента (29, с. 222). Лекарственные средства сыграли злую шутку и с мальчиком Теофобом из Лариссы. Его «желудок был очень изъязвлен от сильного лекарства» (29, с. 211). При употреблении в высоких дозах медикаменты могли превратиться в яд, который разрушительно воздействовал на организм даже в небольших количествах [2, р. 305]. Поэтому использовали специальные ложечки, служившие мерками для лекарств, которые были обнаружены во время археологических раскопок в Ольвии, Херсонесе, Саальбурге среди прочих медицинских инструментов [27, с. 160]. Неэффективность лечения, на наш взгляд, возможно, была связана также с недостатком знаний в области фармакологии по вполне объективным причинам, обусловленным общим уровнем развития античной медицины. Иногда результативность воздействия медикаментов, а точнее сказать, её отсутствие, напрямую зависела от подлинности «препарата». Речь идёт о фальсификации, которую необходимо

рассматривать в рамках проблем биоэтики [20, с. 20–22]. Сведения о таких «лжекарствах» содержатся у Плиния Старшего, например, рассказ о том, как подделывают медикаменты из корня скамонии [6], в басне Федра, где врач-сапожник «...продавал противоядья мнимые» [28]. Фармакополы (торговцы лекарствами) бродили по городам и ярмаркам, предлагали целебные травы, готовили настойки, порошки и «слыли отъявленными шарлатанами» [11, с. 35]. Впрочем, несмотря на подобные явления, лекарственные растения пользовались большим спросом в античном обществе.

Таким образом, фитотерапия была одним из самых практикуемых методов лечения. Античные врачи успешно решали различные проблемы по сбору лекарственных трав, изготовлению, хранению и использованию медикаментов. Лекарю было необходимо обладать высоким уровнем знаний в области фармакогнозии. Важно отметить, что в античные времена не существовало единого метода в технологии обработки растительного сырья. Он варьировал от более простых способов, которыми руководствовались Плиний Старший, Цельс, Феофраст до более сложного, комплексного подхода к изготовлению лекарств у Гиппократа. Не менее значима, была эффективность воздействия лекарственных средств, обусловленная как методическими, так и этическими моментами.

Следует сказать, что рассмотренный перечень вопросов не является исчерпывающим. Необходимо дальнейшее изучение и выявление с максимальной полнотой особенностей растительных медикаментов эпохи античности....

Список литературы

1. Цыбульник, Ю.С. Крылатые латинские выражения / Ю. С. Цыбульник. — М.: ООО Изд-во АСТ, 2003.
2. Hankinson, R. J. Galen / R. J. Hankinson. — N. Y.: Cambridge University Press, 2008, 450 p.
3. Grant, M. Galen on food and diet / M. Grant. — L. and N. Y.: Routledge is an imprint of the Taylor & Francis Group, 2000, 224 p.
4. Гиппократ. Письма, постановления и речи / Гиппократ / Пер. с греч. проф. В. И. Руднев // Избранные сочинения: В 3-х т (3). — М.; Л.: МЕДГИЗ, 1941.
5. Феофраст. Исследование о растениях / Фе-

- офраст / Пер. с др.-греч. и примеч. М.Е. Сергеевко; послесловие Б. К. Шишкина. — М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1951.
6. *Плиний Старший*. Естественная история / Плиний Старший / Пер. с лат. комм. Б.А. Старостин // Вопросы истории естествознания и техники. 2007 г. № 3 [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://annales.info/ant_lit/plinius/04star.htm (дата обращения 09.02.2013).
 7. *Гиппократ*. О ранах / Пер. с греч. проф. В.И. Руднев; прим. и ред. проф. В.П. Карпова // Избранные сочинения: В 3-х т (3). — М.; Л.: МЕДГИЗ, 1941.
 8. *Гиппократ*. О диете при острых болезнях / Пер. с греч. проф. В.И. Руднев; прим. и ред. проф. В.П. Карпова // Избранные сочинения: В 3-х т (1). — М.: МЕДГИЗ, 1944.
 9. *Цельс*. О медицине. / Цельс/ Пер. Ю. Ф. Шульца, вступ. ст. и ред. В. Н. Терновского. — М., 1959. — 408 с.
 10. Лекции по фармакогнозии. — Владивосток: Изд-во Владивостокский Государственный медицинский университет. Министерство здравоохранения и социального развития Российской Федерации. — 2005. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://rdocs.exdat.com/docs/index-82914.html>.
 11. *Сергеевко, М. Е.* Простые люди древней Италии / М. Е. Сергеевко. — М.-Л.: Наука, 1964.
 12. *Сергеевко, М. Е.* Феофраст и его ботанические сочинения / М. Е. Сергеевко // Феофраст, исследование о растениях. — М.-Л.: Изд-во. АН СССР, 1951.
 13. *Эльяшевич, Е. Г.* Очерки фармации Древнего мира / Е.Г. Эльяшевич // Вестник фармации. — Белоруссия: Белорусский государственный медицинский университет, 2007. — № 3 (37).
 14. *Эльяшевич, Е.Г.* Очерки истории фармации/ Е.Г. Эльяшевич, В.В. Кугач. — Минск: Мэджик Бук, 2008. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.evrika.ru/article/1076>. (дата обращения 11.02.2013).
 15. *Карасик, В.М.* Прошлое и настоящее фармакологии и лекарственной терапии / В.М. Карасик. — Л.: Медицина, 1965.
 16. *Раздорская, И.М.* Фармация Античности, Средневековья и раннего Нового времени / И. М. Раздорская, С.П. Щавелёв // Очерки истории фармации. — Вып. 2. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://fictionbook.ru/> (дата обращения 11. 02. 2013).
 17. *Стрельцов, А.А.* Врачи у древних римлян: Эпиграфические очерки / А. А. Стрельцов, прив.- доц. Имп. Моск. ун-та. — 2-е изд. — М.: Тип. О.О. Гербека, 1888. — 144 с. — репринтная копия.
 18. *Bergdolt, K.* Das Gewissen der Medizin Ärztliche Moral von der Antike bis heute / K. Bergdolt. — München: Beck, 2004.
 19. *Vilas, H.V.* Der Arzt und Philosoph Asklepiades von Bithpien. Historiscli-kritisclie Studie / H.V. Vilas. — Wien; Leipzig; Wilhelm Brau Müller K. U. K. Hof und Universitäts-Buchhändler, 1903.
 20. *Трохачев, С.Ю.* Философские основания медицинской теории Асклепиаса Вифинского // Некоторые проблемы истории античной науки. — Л., 1989.
 21. *Галочкина, Н.Е.* Проблемы медицинской этики Древнего мира // «Пироговские чтения: материалы XVIII научной конференции студентов и молодых исследователей, 16 ноября 2012 г. — Н. Новгород: Изд-во НижГМА, 2012, 120 с.
 22. *Тацит*. Анналы / Тацит/ Пер. А.С. Бобович, ред. пер. Я.М. Боровский и М.Е. Сергеевко. — М.: Науч.-изд. центр Ладомир, 1993.
 23. *Марциал*. Эпиграммы / Марциал / Перевод Ф.А. Петровского. — СПб.; Изд-во АО «КОМПЛЕКТ», 1994.
 24. *Светоний*. Жизнь двенадцати цезарей / Светоний/ Пер. с греч. М. Л. Гаспарова; Отв. ред. С.Л. Утченко. — М.: Наука, 1993.
 25. *Винничук, Л.* Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима / Л. Винничук / Пер. с польск. В. К. Ронина. — М.: Высш. шк., 1988 — 496 с.: ил.
 26. *Гадаскина, И.Д.* Яды — вчера и сегодня (Очерки по истории ядов) / И.Д. Гадаскина, Н.А. Толоконцев. — Л.: Наука, 1988, 114 с.
 27. *Финогенова, С.И.* Античные медицинские инструменты / С. И. Финогенова // СА. — М.: Наука, 1967., № 1.
 28. *Федр*. Басни / Пер. М. Гаспарова. — М.: Худ. лит., 1991. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://www.ezop.su/fedr> (дата обращения 15. 02. 2013).
 29. *Гиппократ*. Эпидемии / Пер. с греч. проф. В.И. Руднев; прим. и ред. проф. В.П. Карпова / Избранные сочинения: Т. 2. — М.; Л.: МЕДГИЗ, 1944. — 512 с.

УДК 801.7+236.9

**К вопросу о роли отсылок к Библии в летописных источниках
(на материале Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку)**

© 2013 г. Д. О. Карпова

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

karpova.d.o@yandex.ru

Осуществляется анализ заимствованных из Библии фрагментов Суздальской летописи, выясняется их семантика и взаимосвязь.

Ключевые слова: семантический анализ, Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку, цитация в летописи, Библия, избранничество, средневековое религиозное сознание, эсхатология.

Сегодня изучение летописных памятников так же необходимо, как во времена их открытия для науки, так как многое все еще остается для нас загадкой. Для чего летописи писались и так старательно переписывались? Читал ли их кто-то? Почему мы встречаем именно эти, а не другие в них свидетельства, или чем обусловлен их отбор? Но поскольку новые летописные памятники открываются чрезвычайно редко, а большинство верифицируемых данных из имеющихся уже собрано, современная наука стоит перед сложной задачей поиска новых источников информации.

Не секрет, что христианство в средние века являлось превалирующим фактором культурного и интеллектуального развития общества, особенно древнерусского, ведь во многом именно благодаря христианству здесь появилась литература и то искусство, которое принято называть самобытным. Разумеется, мы не отрицаем и самостоятельного вклада Руси в свое развитие. Тем не менее, зная непреувеличенную роль религии для средневекового общества и наблюдая ее проникновение в летопись (которая определяется историками и литературоведами как жанр литературы светской), мы можем судить о том, насколько летописные ссылки на другие произведения, в особенности Библию, значимы, и какие перспективы может иметь их изучение. Этими перспективами обусловлена постановка на библейских заимствованиях.

Выбранная проблематика касается всех средневековых источников, в том числе по русской истории, в связи с отсутствием в средние века понятия 'авторского права'. Средневековый автор использовал «цитаты» [1] из самых значительных сочинений его времени, не делая на него ссылок. Более того, он мог

использовать в своем произведении его структуру, вольно подчинять своим целям его части.

Для периода времени с открытия памятника и вплоть до конца XIX в. большинство исследователей Лаврентьевской летописи (далее — ЛЛ.) интересовали включенная в ее текст одна из наиболее ранних редакций Повести временных лет и Поучение Владимира Мономаха, не встречающиеся в других источниках. Уже первые исследователи (В.Н. Татищев, К.Н. Бестужев-Рюмин, князь М.М. Щербатов, Н.М. Карамзин) летописей обнаруживали в них многочисленные заимствования, однако исключали их в рамках литературной критики.

Первой работой, посвященной ЛЛ. в целом, было исследование И.А. Тихомирова (1861–1933 г.), пытавшегося определить отдельные источники ЛЛ.; он пришел к заключению, что в ЛЛ., «кроме Повести временных лет и южнорусских летописей, вошли известия, записывавшиеся сначала по преимуществу во Владимире (до смерти Всеволода III), а потом в Ростове, Суздале и Твери; есть также несколько известных костромских и ярославских, переяславских и рязанских» [2]. Владимиро-Суздальским летописанием занимались и другие историки, в частности И.Д. Беляев (1810–1873 гг.), Д.В. Поленов (1806–1878 гг.), Н.Н. Яниш (вторая половина XIX в.) пользовался ЛЛ. для восстановления истории Новгородской I летописи [3].

Новый период в историографии ЛЛ. начинается с 30-х гг. XX в. историка и теоретика русского языка академика А.А. Шахматова (1864–1920 гг.). Значительно изменив и дополнив текстологию древнерусского летописания, он первым применил метод логичес-

ки-смыслового анализа текста исходя из обоснованной посылки, что летописи не являются механическим соединением литературных и исторических материалов. Большинство последующих исследователей опирались на достижения А.А. Шахматова, дополняли его и уточняли его выводы. А.А. Шахматовым, а также его учеником М.Д. Присёлковым (1881–1941 гг.) заложен фундамент текстологии и летописеведения, получены основные сведения о ЛЛ. Как и следующие за ним исследователи, Шахматов производил строгую литературную критику источника, стремился к выявлению протографа, а, следовательно, исключал из исследуемого текста все более поздние приписки. В 1940 г. вышла работа М.Д. Присёлкова по истории русского летописания [4]. В ней он сделал попытку реконструировать основные этапы северо-восточного летописания; для восстановления владимирского летописания он привлек древнейшую летопись — Лаврентьевскую, которая была положена в основу реконструкции.

Русский и советский историк, археограф, выдающийся исследователь хронологии русского летописания Н.Г. Бережков (1886–1956 гг.) изучил смену календарных стилей в ЛЛ., благодаря чему можно было сопоставить ее с другими сохранившимися источниками по истории Древней Руси и таким образом уточнить хронологию русской истории. Советский историк М.Н. Тихомиров (1893–1965) в своих работах, посвященных истории феодальной раздробленности и конкретному изучению летописных памятников [5, с. 424–454 и др.], обращается к Лаврентьевской летописи А.Н. Насонов (1898–1965 гг.) пользовался ЛЛ. для изучения Владимиро-Суздальского летописания.

Выдающимся филологом, академиком Д.С. Лихачёвым (1906–1999 гг.) были исследованы редакции «Повести об убийстве Андрея Боголюбского», в том числе в составе ЛЛ., которая также была затронута им в ряде обобщающих трудов по истории и историографии Руси.

Лихачев придерживался мнения о том, что в ментальном отношении летописец ничем не отличается от современного человека. Подобно ему Я.С. Лурье (1921–1996), исследуя ЛЛ., сделал вывод о том, что понятийный аппарат древнерусского человека принципиально не отличался от нашего [6, с. 16–17].

Г. М. Прохоров (род. в 1936 г.) [7], а также В.Л. Комарович (1894–1942), попытались

обнаружить в ЛЛ. «авторский вклад» Лаврентия и других писцов с помощью кодикологического исследования рукописи и внутреннего анализа повести о Батыевом нашествии в летописи. Выводы Прохорова позволили уточнить лиц, работавших над рукописью ЛЛ., а также датировку самого списка.

Соответственно статусу «списка» (в противоположность оригиналу), данного ЛЛ. учеными, зачастую значительные фрагменты, имеющиеся в более ранних текстах, исключались из текста, интересующего исследователей. Естественно, подобный подход лишал этих исследователей возможности увидеть своеобразие изучаемого ими текста.

Некий переворот в герменевтике произошел в XX в., когда ряд социальных историков — представители школы «Анналов», такие как Марк Блок, Люсьен Февр, Жак Ле Гофф и другие — вышли за рамки классической текстологии и предложили использовать для реконструкции данные других наук. Выделилось новое направление исторических изысканий, ставившее целью изучение социокультурной, а не политической истории. Расширился круг источников: ценность придавали даже фальсифицированным источникам, так как они давали представление о психологии, ментальности, исторической памяти. Методология историка стало активно пополняться за счет междисциплинарного взаимодействия. Сходные точки зрения или по крайней мере начало их зарождения мы можем обнаружить еще раньше у Л.П. Карсавина [8], И.У. Будовница [9] и др. Однако советская историографическая школа за учеными школы «Анналов» последовала не сразу.

Начало историко-антропологическому направлению в советской исторической науке положил А.Я. Гуревич (1924–2006 гг.), специалист по западной истории. Он стал одним из первых руководителей выпуска научного журнала «Одиссей: Человек в истории» — первого в отечественной науке издания, посвященного историко-антропологическому подходу к историческому исследованию. За последнее время наука пришла к некоторым успехам в области текстологии и герменевтики. Успехи эти выражаются, прежде всего, в появлении новейших исследований, призванных выявить смысл и цели включения летописцем фрагментов других произведений в переписываемый текст [см., например: 10]. Новые подходы достаточно утвердились в науке. Уже достигнут довольно значительный прогресс в изучении фрагментов других про-

изведенный в текстах источников, в частности летописных, но огромные пласты текста остаются неисследованными, что, как уже было отмечено, касается и Суздальской летописи в составе ЛЛ.

Займствования из Библии и других источников, часто скрытые [11], занимают значительную (если не сказать преобладающую) часть объема произведения, представляют собой некую аргументацию, попытку придать «вечный смысл» тексту, подкрепление слов летописца, когда необходимо что-то доказать или подвести читателя к какому-либо выводу. В свое время Д.С. Лихачев основывал свое представление о мозаичности структуры летописи именно на этом основании [12, с. 297].

В тексте ссылки на Библию не являются случайными. Рикардо Пиккио считал их «тематическими ключами» [13, с. 3–20]. Очевидно, летописец сталкивается с особым рода переживаниями, в связи с чем у него возникают ассоциации со священным текстом. Эти ассоциации вызывают не все события, а только определенные их группы.

Понятно, что во всех этих случаях «цитирование» Библии предполагает вступление в диалог с читателем: аргументация должна иметь адресата. Наличие адресата естественно, когда речь идет о богослужебной литературе, к которой в той или иной степени можно отнести такие жанры, как проповедь, житие, поучение, «слово» [14, с. 5–6]. Однако в последнее время появляются сомнения в том, что то же самое можно сказать о летописях — литературных произведениях, составлявшихся в единственном экземпляре и хранившихся в секрете [10, с. 266]. По мнению И.Н. Данилевского также трудно поверить и в то, что летопись, как произведение, создаваемое по княжескому заказу, писалась для князя, учитывая обилие в ней займствований и ее семантическую многослойность.

Тем не менее, число летописных списков довольно часто пополнялось. Конечно, мы не исключаем политических мотивов данных предприятий. Однако исходя из новейших исследований [см. например: 15, с. 49–60, 73–77; 16, с. 108–114, 299–317], подчеркивающих сложную семантику летописных сообщений, трудно поверить, что это было главной причиной, а с учетом религиозности русского средневекового общества и зная, что подавляющее большинство произведений русской средневековой литературы создавалось в ключе религиозных переживаний человека и с явным сакральным смыслом, чему по мно-

гим признакам соответствует и летописная традиция, можно предположить, что основная цель написания летописного памятника в большей степени отвечает религиозным идеям, более того, ключ к смыслу его написания, вероятно, лежит в понимании смысла библейских ссылок.

Религиозные мотивы проникали в литературу светскую. Вся древнерусская литература в той или иной мере была связана с чем-то сакральным, с трансцендентными переживаниями человека, с решением антагонизма «человек-природа» [17, с. 180]. В.П. Адрианова-Перетц при сравнении литературы и фольклора в Древней Руси находит некое противостояние реалистического и идеалистического (христианского) начал в древнерусской литературе и возводит его в ранг борьбы мировоззренческой, которая влияет на изложение событий. В этой связи литература может быть условно подразделяема на народную и политическую. Народная литература напоминает нам фольклор благодаря тому, что мировоззрения летописца и народного поэта в данном случае совпадают [18, с. 9–10].

На сегодняшний день вопрос о значении Ветхого Завета для христианских культур в период раннего средневековья является дискуссионным. Принято считать, что христиане склонны к почитанию Нового Завета Библии, однако содержание отсылок к ветхозаветным примерам в литературных памятниках различных жанров и функций заставляют задумываться над причинами столь странного, казалось бы, феномена. Среди ученых существуют различные точки зрения на этот вопрос. Для одних это связано с большим количеством материала для сопоставления: «Космос Нового завета — маргинальный, — пишет С.А. Иванов, — а решения, в нем предлагавшиеся, не могли быть использованы в качестве рецептов повседневной жизни. Эта книга возвещала конец истории. Но история и не думала кончаться. Евангелие учило думать о горнем, но суровая жизнь средневекового человека обращала его мысли к дольнему» [19, с. 12]; для других историков преобладание ветхозаветных образов связано с большим символизмом [20, с. 69–70]. В.Я. Петрухин обращает внимание на то, что «первые книги Библии являли принципы описания исторических событий, становления народа, его религии и государства». Кроме того он подчеркивает, что библейская традиция была достаточно открыта для поиска в ней места своему народу [21, с. 269]. И действи-

тельно, летописец будто вписывает историю русского народа в историю всеобщую, но вписывает не в начало, как будто не желая связывать ее с греховным прошлым человечества, с первой — неудачной — «версией мира» [21, с. 269–270]. Он начинает историю русского народа от потопа, так что обновленный через потоп мир состоит в гармоническом единстве с обновленным через христианство русским народом. и Ветхий Завет в этом отношении подходит больше.

Стоит отметить и некоторые особенности понимания русским народом своей роли в мировой истории. Неоднократно замечалось, что «начальная летопись» связывает происхождение славян с именем Иафета, сына знаменитого божьего избранника Ноя [22, с. 15]. Здесь мы видим отнюдь не ассоциирование славян с народом Израиля, но буквальную интерпретацию библейских прототипов как реальных событий [23, с. 264]. Это подтверждается отчасти и другими исследованиями: древнерусский автор воспринимал библейский текст не как пример или способ что-то объяснить и понять, но как реальную историю, частью которой является и история русская [24, с. 74].

С темой избранничества русского народа в сознании летописца, очевидно, тесно связана тема страданий. Так, например, по поводу большого пожара во Владимире суздальский летописец сокрушается: «да никтоже дерзнетъ рещияко ненавидами Богомъ есмь да не будетького тако Богъ любить яко женовъ възлюбиль есть и възнесль есть никогоже имже паче ярость свою въздвиже на ны яко паче всехъ почтени бывшегоре всехъ здеяхомъ грехыяко ж паче всехъ просвещени бывше Владычню волю деюще и не презревше лепоту паче инехъ казними» [25, стб. 394]. Очевидно, все наказание за грехи летописец воспринимает как тяготы избранничества. Тяжелая кара за грехи, таким образом, гарантирует спасение ‘по умолчанию’ [26, с. 57; 28, с. 17–20].

К слову, А.Я. Гуревич, исследуя заимствования в западноевропейских проповедях, тоже находит тему избранничества, но проявляется она несколько иначе. Вера в божье избранничество была тем единственным, что имели бедняки. Таким образом, избранничество было компенсацией за бедность [27, с. 315]. Можно допустить, что избранничество как компенсация прослеживается и в нашем примере из Лаврентьевской летописи, только в более латентном представлении. Под бед-

ностью в этом случае понимается уже греховность и тяжесть страданий за грехи. Православный человек потому и много страдает, что избран богом, ведь в Библии написано «Ибо Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает» - (Евр. 12:6). Кстати, приведенный библейский текст в Синодальной Библии встречается в нескольких местах: это уже упомянутое Послание к евреям (то есть к ‘избранным божьим’), книга Притч Соломоновых (Прит. 3:12) и Откровение (Откр. 3:19). Последнее также интересно: третья глава Откровения содержит послания к церквям, 14–22 стихи которой предназначены для церкви в Лаодокии — церкви в состоянии деградации. Самое серьезное обвинение, предъявляемое этой церкви — «ты ни холоден, ни горяч» (Откр. 3:15). Это обвинение в теологическом смысле — обвинение в фарисействе. Заметим, что некоторые исследователи также обращали внимание на самообличения православных христиан в излишнем ханжестве [28, с. 16].

Примечательно, что в результате переводческой деятельности Кирилла и Мефодия термин грех на Руси происходил от слова ‘огрехъ’ и имел лишь несколько значений, таких как первоначальное — ошибка (ср. погрешность, огрех) [29, с. 179], — а также несколько других, сходных с первоначальным: болезнь, слабость и просматриваемые в летописях печаль или скорбь («по грехам нашим» иногда заменяется «по скорбям нашим»). Аналогично в греческом языке грех обозначается $\alpha\mu\acute{\alpha}\rho\tau\eta\mu\alpha$ ($\alpha\mu\acute{\alpha}\rho\tau\acute{\iota}\alpha$), которое также обозначало ошибку. Для христиан грех, таким образом, — проступок или провинность (в отличие от беззакония — сознательного нежелания следовать божьим заповедям). В подтверждение этому мы можем найти в СЛ.: «кажетъны добре Владыка благии не по безаконью нашему створи намъ ни по грехомъ нашимъ въздасть намъ» [25, стб. 393; 30].

Известная сентенция древнерусских книжников о божьей каре «за грехи», часто принимающаяся за штамповое выражение, возможно, таковым не является. Изучение текста СЛ. показывает, что данная сентенция употребляется в ней в общей сложности 13 раз, при этом учитывается ее двукратное упоминание в статьях 6676 (1169), 6693 (1185), 6745 (1237). События этих лет, которыми бог наказывает Древнюю Русь — два разрушительных пожара во Владимире и монголо-та-

тарское нашествие соответственно. Все остальные «цитаты» тоже так или иначе связаны с чем-то значимым для христиан: храмы и святыни (1168, 1203 годы), крестное целование (1177 год), пожары и другие природные катаклизмы (1192). Оставшиеся два случая связаны: первый — с убийством татарам благоверного князя Юрия Всеволодовича, второй — с набегом «басурман», то есть тех же татар. Приведенная статистика указывает на то, что выражение летописца о божьем наказании «за грехи» не является штамповым, так как его применение обусловлено специфическими событиями истории, объединенными общим значением.

В СЛ. только прямых цитат из Ветхого Завета Библии содержится 69, а прямых цитат из Нового Завета — 29 [31]. Конечно, такой подсчет весьма условен, так как поиск библейских заимствований осложнен отсутствием на них указаний, размытостью и неточностью формулировок [32, с. 304–309]. Интересным кажется то, что летописец довольно часто прибегает к цитированию из библейских ветхозаветных книг Иова, Исаяи и Притчей Соломоновых, а также из Псалтыри. К слову, к схожим результатам пришел и С.А. Иванов при анализе византийских источников [19, с. 12].

Как мы видим в отрывке СЛ. от 6693 (1185) года, летописец воспринимает наказание Бога как справедливое и проявляет достойное похвалы смирение, о чем свидетельствуют приведенные летописцем небезызвестные слова Иова «яко Господевилубо тако и бысть», традиционно используемые в призывах к смирению или повествованиях о событиях, произошедших без воли и участия людей (часто в наказание). Если учесть еще и тот факт, что для христианина грех означал ошибку, возможно, он хочет с ее помощью напомнить богу о праведности русского народа, и, несмотря на грехи (=ошибки), напомнить и о божьем обещании («...так говорит Господь Бог: вот, Я возьму сынов Израилевых из среды народов, между которыми они находятся, и соберу их отовсюду и приведу их в землю их. На этой земле, на горах Израиля [17, с. 181–182](курсив мой — Д. К.) <...> не будут уже осквернять себя идолами своими и мерзостями своими и всякими пороками своими, и освобожу их из всех мест жительства их, где они грешили, и очищу их, и будут Моим народом, и Я буду их Богом» (Иез. 37:21–23). В результате бог должен организовать положительный исход даже в тяжелы-

хобстоятельствах, подобных тем, что настигли Иова по воле божьей.

Если это правда, можно с некоторой долей уверенности судить о цели всего повествования: оправдание себя перед богом в качестве народа праведного и напоминание ему о необходимом воздаянии. Таким образом, исчезает потребность в поиске «целевой аудитории»: адресатом становится бог. Интересно, что к подобным выводам приходит и И.Н. Данилевский на материале Повести Временных Лет: с его точки зрения летопись готовилась к Судному дню в качестве «книги жизни», повествующей о деяниях «избранных божьих» [10, с. 266–267]. В пользу этого предположения работает также традиция потаенного хранения [там же] письменных памятников в культовых постройках, таких как монастыри и церкви (бог там обитал, в любое время мог прочесть), ориентированность всего древнерусского искусства на религию.

Древнерусский человек подвергал сакрализации весь его мир, старался в каждом атрибуте этого мира зашифровать особый код, легко читаемый и распознаваемый современниками. Возможно, это один из способов решения антагонизма с природой: для XII века еще характерно сочетание религиозного и мифологического сознания. Это сказывается и на понимании Библии: летописец понимал ее буквально, делал частью истории все события, в ней описываемые, под впечатлением от этих событий проецировал их на последующую историю, демонстрируя представления о ее цикличности.

Список литературы

1. Средневековым автором здесь и далее будем считать непосредственно автора, а также переписчика, составителя и любого участника создания летописного произведения. Под цитатой условно понимается отсылка к другому произведению, прямая или косвенная.
2. Янин Н.Н. Новгородская летопись и ее московские переделки. М., 1874.
3. Тихомиров И.А. О Лаврентьевской летописи // Журнал Министерства народного просвещения. — 1884, октябрь, отд. 2. — С. 240–270.
4. Присёлков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. — Л., 1940.
5. Очерки истории СССР. Период феодализма, IX–XV вв. / Под ред. Б.Д. Грекова, Л.В. Черепнина и В.Т. Пашуто. — М., 1953.
6. Лурье Я.С. Россия древняя и Россия новая. СПб., 1997.

7. Прохоров Г.М. Кодикологический анализ Лаврентьевской летописи // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 4. — Ленинград, 1972.
8. Карсавин Л.П. Основы средневековой религиозности в XII–XIII веках. — СПб., 1997.
9. Будовниц И.У. Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI–XIV вв.) — М.: АН СССР, 1960.
10. Данилевский И.Н. Повесть временных лет. Герменевтические основы изучения летописных текстов. — М.: Аспект-Пресс, 2004.
11. И.Н. Данилевский называет их библеизмами.
12. Лихачев Д.С. Повесть временных лет: Историко-литературный очерк // Повесть временных лет, Ч. 2. — М.–Л., 1950.
13. Пиккио Р. Slavia Orthodoxa: Литература и язык. — М., 2003.
14. Творогов О.В. Литература Древней Руси. Пособие для учителя. — М.: Просвещение, 1981.
15. Одиссей: Человек в истории. — 2003. № 1.
16. Одиссей: Человек в истории. — 2004. № 1.
17. Солнцев Н.И. Формирование сакральной символики русского средневекового города // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 6 (1). — С. 180–187.
18. Адрианова-Перетц В.П. Древнерусская литература и фольклор. — Л.: Наука, 1974.
19. Иванов С.А. Соотношение новозаветных и ветхозаветных цитат в византийской литературе: к постановке вопроса // Одиссей: Человек в истории. 2003. № 1. — С. 9–12.
20. Лучицкая С.И. Библейские цитаты в хрониках крестовых походов // Одиссей: Человек в истории. 2003. № 1. — С. 65–72.
21. Петрухин В.Я. Библия, апокрифы и становление славянских раннеисторических традиций (к постановке проблемы) // От Бытия к Исходу. Сборник статей. Вып. 2. — М., 1998. — С. 269–286.
22. Петрухин В.Я. Русь и все языци. — М., 2011.
23. Данилевский И.Н. Потоп и Русская земля (к вопросу об исторических взглядах древнерусского летописца) // От Бытия к Исходу. Сборник статей. Вып. 2. — М., 1998. — С. 263–267.
24. Парамонова М.Ю. Дискуссион: опыт обобщения // Одиссей: Человек в истории. 2003. № 1. — С. 73–77.
25. Летопись по Лаврентьевскому списку // ПСРЛ, Т. 1. Изд. 2, Ленинград, 1926–1928.
26. Рудаков В.Н. Язык Библии в ранних рассказах русских летописей о монголо-татарском нашествии // Одиссей: Человек в истории. 2003. № 1. — С. 49–60.
27. Гуревич А. Я. Избранные труды. Том 2: Средневековый мир. — СПб.: Университетская книга, 1999.
28. Дмитриев М.В. Евангелие в польской и украинско-белорусской культуре Речи Посполитой XVI–XVII вв.: притча о мытаре и фарисее в католической (Петр Скарга) и православной (Учительное Евангелие) проповеди // Одиссей: Человек в истории. 2003. № 1. — С. 13–22.
29. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. Т. 1. Ч. 1. — М.: Правда, 1990.
30. В исходном тексте противопоставление снято, но по его смыслу на основании схожих текстов мы имеем возможность его восстановить: см., напр., текст ЛЛ. от 6695 (1087) года.
31. Для данной формальной статистической справки учитывались прямые цитаты с указанием источника и цитаты, близкие к тексту, а также прямые сравнения с библейскими персонажами. Учитывались повторения одних и тех же цитируемых фрагментов в разных контекстах, не учитывались параллельные места, так как в большинстве случаев летописцем указывается автор цитируемого фрагмента, а там, где он не указан, зачастую и параллельные тексты отсутствуют.
32. Данилевский И.Н. Цитаты, которые мы изучаем // Одиссей: Человек в истории. 2004. № 1. — С. 299–317.

УДК 908

**Сотрудничество Нижегородской Губернской Земской Управы
с Военным Министерством в деле снабжения армии
изделиями нижегородских кустарей в 1890-1914 гг.**

© 2013 г. *Р.О. Буттаев, А.В. Евдокимов*

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

Artemius2014@yandex.ru

Исследование посвящено проблеме поставок Нижегородским Губернским земством изделий нижегородских кустарей для нужд Военного ведомства. Также в работе для более глубокой оценки сбытового сотрудничества указанных учреждений отражена периодизация кустарно-промышленной деятельности земства.

Ключевые слова: Военное ведомство, кустарная промышленность, земство, рогожная операция, артельный принцип.

Проблемы развития кустарной промышленности в России исследуются не одно десятилетие. Первые попытки изучения нижегородских кустарных промыслов были предприняты Нижегородским Губернским статистическим комитетом еще в 1870-х годах [1].

Нижегородское земство в 1880-1890-е гг. так же проводило работу по оценке экономического положения кустарей, знакомству с промыслами местных мелких производителей [2–4]. Земские работы по изучению крестьянских производств носили характер обзорных [5].

В последнее время появляются специальные исследования, предметом которых является кустарно-промышленная политика Нижегородского губернского земства. В частности, исследованию этого вопроса посвящены статьи Д.А. Николаева [6], Е.А. Фоменковой [7], М.В. Карташовой [8–10] и др.

В ходе ознакомления с материалами земского делопроизводства было установлено, что Нижегородское губернное земство активно сотрудничало с Военным ведомством, принимая заказы на поставку рогож и веревок на военные склады в различных военных округах империи.

Актуальность настоящего исследования состоит в том, что посредническая деятельность нижегородского земства по сбыту изделий нижегородских кустарей Военному ведомству остается до сих пор малоизученным направлением в отечественной историографии.

Объектом данного исследования является кустарно-промышленная политика Нижегородского губернского земства.

Хотелось бы подробнее остановиться на одном из направлений земской деятельности по поддержанию нижегородских кустарных промыслов, а именно, на посредничестве земства в вопросах сбыта готовых изделий кустарей.

Предмет исследования – деятельность Нижегородского Губернского земства по сбыту изделий местных кустарей (рогожников и веревочников).

Положение рогожного промысла в селениях Нижегородской губернии ярко демонстрирует доклад НГЗУ ХХХ очередному губернскому собранию о рогожном промысле в селе Воскресенском, Макарьевского уезда [11, с. 284–285]. Характерной чертой промысла являлось отсутствие у бедных кустарей своего мочала. Сырье сосредотачивалось в руках крупных выработчиков, *тысячников*, единственно могущих устоять на торгах при снятии в казне крупных участков леса. Участки сдавались размером в 7-8 десятин и стоили при бойких торгах до 240 и даже 400 р.

По расчету пуд мочала обходился покупщику делянки не дороже 75 коп., а продавался в среднем 1р. 20 к. Этот громадный процент, наживаемый торговцами *саковщиками* на свои оборотные средства (60%) мог бы быть значительно понижен в пользу выработчиков рогожи, если бы была уничтожена искусственная монополия мочала в руках немногих торговцев. Кроме того, рогожники не имели возможности выжидать удобного времени для сбыта своих изделий (т.е. нижегородской ярмарки), но были вынуждены сбывать их зимой и в особенности ранней весной местным скупщикам по самым низким

ценам. Причем, в большинстве случаев, расплата производилась не наличными деньгами, а товаром не первого сорта, по ценам, повышенным на 15-20% против рыночных.

Из доклада можно сделать вывод: основными проблемами рогожного промысла в Нижегородской губернии была нехватка у бедных производителей доступного сырья, засилие посредников-скупщиков и затруднение в сбыте изделий.

Проблему недоступности для мелких кустарей сырья, а, следовательно, проблему нехватки наличных денежных средств у производителей земство решало путем организации на местах *мелкокредитных товариществ*. Особенности этого процесса могут послужить темой отдельного специального исследования.

В настоящем исследовании будет проведен анализ посреднической деятельности земства в деле сбыта изделий мастеров-рогожников и веревочников.

Хронологические рамки определены исследователями проблемы в границах 1889 – 1914 гг. В пределах этого периода имеется необходимость выделить ряд подпериодов. Это позволит проанализировать деятельность нижегородского земства по поставкам кустарных изделий Военному ведомству и дать ей подробную характеристику.

I. 1889–1896 годы – период активной работы земства по изучению отраслей кустарной промышленности Нижегородской губернии. С 1889 года Министерство Государственных Имуществ, в ведении которого находились мероприятия правительства по развитию кустарной промышленности России, озаботилось предоставлением кустарям разных губерний заказов и подрядов на выработку различного рода изделий для разных правительственных, городских и прочих учреждений. Согласно докладу Нижегородской Губернской Земской Управы (далее НГЗУ) XXIX Очередному Нижегородскому Губернскому Земскому Собранию (далее НГЗС) о мерах содействия кустарной промышленности губернии, земство было естественным представителем местного населения в хозяйственном отношении [12, с. 10]. Поэтому именно на него кустарями возлагались большие надежды в деле поддержки их промыслов.

В начале 1890-х годов губернская управа неоднократно организовывала исследовательские экспедиции с целью подробного ознакомления с существующими на местах проблемами производства и их решением. Со-

трудниками НГЗУ был сделан вывод о нуждах кустарей, среди них: необходимость в улучшении техники производства кустарных изделий, снижении цен на сырье и налаживании сбыта. Сбыт готовой продукции являлся ощутимой проблемой нижегородских мастеров. На данную ситуацию оказывал воздействие целый ряд факторов, среди которых можно выделить: низкий уровень техники кустарного производства, засилие скупщиков и малая степень распространения информации о мелких крестьянских промыслах за пределами Нижегородской губернии (и даже одного уезда).

II. 1896–1910 год – период активного осуществления земских мероприятий по поддержанию кустарной промышленности губернии. С середины 1890-х годов начинается процесс постепенного перехода от ознакомления земства с многообразием кустарных промыслов губернии к осуществлению практических мероприятий по изучению и решению проблем, затрудняющих развитие данной отрасли [13, с. 13].

При НГЗУ с 1896 года было образовано Кустарное отделение (далее КО НГЗУ), на которое было возложено осуществление намеченных земством мероприятий по развитию кустарной промышленности в Нижегородской губернии.

Среди основных функций этого подразделения было:

1. открытие товарных и сырьевых складов для покупки у кустарей готовых изделий и продажи сырых материалов для производства;
2. открытие музеев образцов изделий и орудий производства;
3. коммерческое посредничество и поставка кустарных изделий учреждениям и частным лицам;
4. участие на кустарных выставках и ярмарках с целью развития операций по сбыту изделий;
5. открытие учебных мастерских и заводов с целью распространения среди населения новых промыслов и улучшения техники существующих;
6. составление и распространение среди кустарей чертежей и рисунков улучшенных изделий;
7. учреждение профессиональных школ для подъема техники производства;
8. распространение среди населения дешевого кредита и др. [11, с. 298].

В 1896 году при КО НГЗУ был создан торгово-промышленный склад-музей Нижегородского земства (далее ТПСМ). Основными задачами нового учреждения ставились:

- Содействие производителям путем поставок, комиссионерства и рекламы к более выгодному сбыту изделий;
- Ознакомление потребителей с произведениями нижегородской кустарной промышленности;
- Содействие улучшению кустарных изделий и техники производства.

Одной из важнейших задач музея было обеспечение кустарей заказами от правительственных учреждений, земств, городов, крупных торговых фирм. Обеспечивая кустарей заказами посредством склада, земство знакомило производителей с лучшими образцами изделий, используя альбомы, рисунки, чертежи изделий из коллекций склада.

Посредством склада в 1896–1898 гг., среди прочего, были получены заказы на патронные ящики, мешки, сбрую, полушубки... патронный войлок, принадлежности шанцевого инструмента и проч. Склад играл важную роль в реализации выставочной деятельности КО НГЗУ, являясь торгово-презентационным и посредническим звеном в деле ознакомления потенциальных потребителей с ассортиментом кустарных изделий Нижегородской губернии [6, с. 150]. Именно на выставках и ярмарках чаще всего и заключались соглашения о поставках, в том числе, рогожных и веревочных изделий с военным ведомством, главным артиллерийским управлением и прочими учреждениями [14, стб. 763].

Теперь следует подробнее остановиться на, так называемой, *рогожной операции* НГЗУ.

В 1898 году для организации помощи населению местностей, пострадавших от неурожая, Управа ходатайствовала перед Министерством Земледелия и Государственных имуществ (далее МЗГИ) о предоставлении нижегородским мастерам заказа на поставку 127000 штук рогож Военному ведомству. Кустарный комитет одобрил прошение Управы и постановил ходатайствовать перед Главным интендантским управлением о предоставлении этой поставки кустарям Нижегородской губернии [15, с. 8]. Земская управа просила МЗГИ оказать в этом деле свое содействие и выдать ссуду для оборотных средств, на приобретение мочала и расчета с кустарями, в сумме до 6000 р. и, кроме того, на организацию этого дела безвозвратно 600 р. Заказ был

выполнен земской рогожной мастерской в селе Антипино, Макарьевского уезда.

Несмотря на неуспешность первой операции (отправлено в 1899 году было лишь 14000 штук рогож по 13–16 коп.), с этого момента в докладах Управы постоянно фигурирует статья поставок рогож военному ведомству. Операции по предоставлению кустарям заказов и поставке кустарных изделий осуществлялись земством посредством ТПСМ.

Основным заказчиком рогож являлось военное ведомство, реализация рогож, выполненных на заказ, приносила хороший доход, прибыль земства составляла 300-350 рублей ежегодно. В 1900-е годы земство принимало заказы на поставку рогож в 5 военных складов: московский, петербургский, симбирский, казанский и двинский.

В 1901 году подряд составлял 516795 штук рогож. Следует отметить, что портные-кустари, работавшие на земский подряд, получали в 2 раза большую плату за единицу товара (30-35 коп.), чем прочие портные [16, с. 492–493]. В виду выполнения значительного заказа 1903 года кустарями Нижегородской губернии их заработок значительно улучшился. Земство платило кустарям за сотню рогож I сорта, вытканых из их мочала, до 13-14 р., а за выработку сотни рогож из земского мочала 5-7 р [16, с. 495]. В 1905 году, вследствие больших требований на рогожу, цены на нее были значительно повышены. Земство в среднем платило кустарям за сотню рогож 1-го сорта, вытканых из их мочала 15 руб., а за выработку сотни рогож из земского мочала до 6 р. 50 к. [16, с. 495–496]. Этих же цен должны были придерживаться и частные предприниматели, чтобы не остаться без товара. Принимало участие в выработке рогож для интендантства около 1150 кустарей.

Понимая материальные трудности производителей, Военный совет пошел навстречу ходатайствам земства. В 1901 году НГЗУ получила разрешение на выдачу задатка при поставках военному ведомству в размере 30% суммы подряда, а в 1903 году аванс был увеличен до 50% [16, с. 492; с. 495].

Веревка для интендантства производилась в селениях Горбатовского уезда (склад в г. Горбатове, с 1904 года), в 1909 году часть заказа была передана кустарям-веревочникам Ардатовского уезда (села Саконы, Липовка, Голяткино) [17, стб. 16]. Заготовка веревок осуществлялась, в основном, посредством земского веревочного склада в г. Горбатове

(Горбатовский уезд). За пуд выработанной веревки кустари получали до 70 коп. (на 12 коп. больше, чем от местных скупщиков). Если в задаток рогожникам в начале сезона выдавалось 3-10 рублей на стан, то веревочники получали от 5-15 рублей на колесо. Все-го в Горбатовском уезде на земство работало до 15 колес. За отчетное время земством было куплено свыше 11,5 тыс. пудов пеньки (по 5 руб. 58 коп. за пуд). Выработано было почти 633 000 саженой веревок [18, стб. 161]. В 1909 году поставка рогож и веревок военному ведомству принесла земству доход в сумме 249912 руб. 50 коп. Веревка сбывалась главным образом Московскому вещевому интендантскому складу.

Однако и в этом деле проявились негативные черты, которые осложнили дальнейшие мероприятия склада по выполнению подрядов. Во-первых, кустари часто затягивали сроки выполнения заказов. Это можно объяснить тем, что сам заказ предоставлялся в тот период, когда кустари переходили от товарного производства к полевым работам (май-август). Естественно, они не могли поставить изделия в срок, либо вовсе отказывались выполнять подряд.

Но вторым, и самым важным фактором замедления заказов являлась неспособность мастеров произвести товар необходимого качества. Данная проблема особенно характерна для подрядных операций земства для военного ведомства. Администрация московского склада часто браковала существенную долю поставленных рогож, как несоответствующую образцам изделий. Это препятствовало дальнейшим заказам.

Кроме того, в 1900-е годы земство испытывало огромный недостаток оборотных средств, необходимых для осуществления рогожной и веревочной операций. Сильный удар по дееспособности кустарей наносили неурожайные годы. Ввиду напряжения средств земство прибегало к ходатайствам перед МЗГИ и МВД о предоставлении дополнительных средств, в счет будущих поставок, не имея возможности рассчитаться, земство пыталось отсрочить выплаты долгов и даже приходило к мысли о закрытии поставок военному ведомству.

Таким образом, поставка рогож и веревок военному ведомству являлась одной из важнейших задач земства. К 1910 году острой стала проблема поставки рогож военному ведомству в установленные сроки. Для

этого требовалось увеличение оборотных средств земства для выдачи предоплаты производителям. Отказ от выдачи задатков привел бы к губительным последствиям для всего промысла. В 1910 году НГЗУ ходатайствовало о предоставлении земствам задатков от военного ведомства в размере 75-80 % для организации поставок кустарных изделий интендантскому управлению. Причем денежные средства для расчета с мастерами должны были производиться в самом начале рабочего сезона (август-сентябрь).

Также встала проблема качества изготавливаемой продукции, которую следовало незамедлительно решать (несоответствие изделий образцам) [16, с. 500]. Приемщики в своих оценках руководствовались строгими предписаниями и образцами заказываемых изделий, совершенно не принимая во внимание, что кустарное производство, в отличие от фабричного накладывало на изделия отпечаток индивидуального подхода производителя. Таким образом, происходило отступление от описания и образцы изделий часто не соответствовали готовому товару. Часто обнаруживалось и несоответствие самих образцов описанию заказываемых изделий. Сам процесс приема был организован таким образом, что среди многих поставщиков приемная комиссия часто отдавала приоритет частным подрядчикам, а у земств не хватало людей и средств для обеспечения доставки товара к приему. В 1910 году на съезде деятелей по кустарной промышленности С.А. Жевайкин в своем докладе прямо поставил проблему неправомерной забраковки товара и искусственно чинимых приемными комиссиями препятствий для сдачи товара по поставкам. Докладчик предлагал собрать специальные проверяющие комиссии, состоящие из представителей военного ведомства, науки, биржи, государственного контроля, городов и земств для контроля за действиями принимающих изделия лиц [19, стб. 265].

III. 1910–1914 годы – нижегородское губернное земство, ввиду возникших затруднительных обстоятельств (забраковка изделий, недостаток оборотных средств и пр.) осуществляло поиск новой формы сбыта изделий кустарей. На петербургском совещании деятелей по кустарной промышленности в 1911 году (с участием представителей земств) была высказана идея, что лучшей формой организации сбыта крестьянских изделий является создание общеземского союза из представителей наиболее заинтересованных

в развитии кустарной промышленности губерний.

III Всероссийский съезд деятелей по кустарной промышленности (март 1913 года) признал содействие сбыту кустарных изделий важнейшим в ряду экономических мероприятий земских учреждений. Земство должно было организовать и направлять развитие крестьянской промышленности путем содействия улучшению техники кустарного производства, а также кредитованием за счет специально образованных капиталов. Кустарные склады были обязаны, помимо сбыта изделий, снабжать кустарей сырьем и содействовать улучшению качества изделий. Предполагалось необходимым и полезным создание *областных земско-кооперативных союзов по сбыту кустарных изделий*, основанных на договоре и связанных общностью рынков сбыта [21, стб. 370–372]. Кроме того, съезд высказался за необходимость организации постоянных агентств по изучению зарубежных рынков сбыта для кустарных изделий России, подчиненных единому центральному учреждению.

8 октября 1913 года в Москве открылся съезд земских деятелей по вопросу о совместном сбыте кустарных изделий [22, стб. 1321–1324].

Проблемный вопрос о конкуренции между однородными кустарными изделиями из разных районов страны при сбыте предполагалось решить путем образования крупных кооперативных объединений кустарей на основах самостоятельной союзной организации под контролем земств.

В резолюциях съезда прописана необходимость создания общеземской организации по сбыту кустарных изделий и снабжению кустарей сырьем (с бюро на местах), стремление земств к объединению кустарей в производственные артели, складочно-потребительские артели при земском контроле и посредничестве.

XLIX очередное губернское земское собрание постановило принять участие в общеземской кустарно-сбытовой организации. Вступительный взнос с участника – 300 рублей, паевой – 1000 рублей. Сверх того, земство соглашалось на внесение дополнительных паев, в зависимости от степени участия в торговых операциях общеземского товарищества [23, стб. 66].

Таким образом, в 1910–1914 гг. земство, преследуя целью разрешить кризисные тенденции в производстве и сбыте кустарных

изделий, пришло к мысли о необходимости объединения земств на межгубернском уровне. Кроме того, видя разрозненность мелких производителей и возникающую конкуренцию между кустарными районами, земство решило прибегнуть к *артельному принципу*, при котором заказ предоставлялся не отдельному кустарю, а группе кустарей, объединенных в артель.

В области поставок изделий военному ведомству артельный принцип также имел свои плюсы. На московском съезде земских деятелей по вопросу о совместном сбыте кустарных изделий С.А. Жевайкин выдвинул идею объединения кустарей-рогожников и веревочников в крупные союзы, что позволило бы преодолеть посредничество скупщиков [24, стб. 1165]. В 1913 году земскими рогожными складами за 8 месяцев было заготовлено и поставлено интендантству лишь 277 158 штук рогож, что говорит о недостатке оборотных средств земства. НГЗУ пришла к мысли о передаче невыполненных заказов Нижегородскому Союзу Учреждений Мелкого Кредита. Во время Первой Мировой войны нижегородский кооперативный союз осуществлял сотрудничество со Всероссийским земским союзом по поставке необходимых армии кустарных изделий [25, стб. 1438–1439].

Начавшаяся война внесла резкое изменение в рынок кустарных изделий. Некоторые товары, как, например, некоторые сорта валяной обуви, полушубки военного образца, ложки обычных сортов, стали пользоваться усиленным спросом, между тем, как другие, наоборот, перестали или почти перестали спрашиваться на рынке. Спрос на рогожу также несколько сократился, хотя рогожа все-таки требовалась и цены на нее нельзя было назвать низкими. В зависимости от положения кустарей с одной стороны и требований, вызываемых войною – с другой, деятельность КО НГЗУ несколько изменилась. ТПСМ пришлось быть посредником по заказу целого ряда предметов кустарного производства для нужд армии, красного креста и союза земства. В осуществляемых мероприятиях КО НГЗУ приходилось соблюдать большую экономию в оборотных средствах, так как война отражалась на ходе торговых предприятий, вызвала задержку в сбыте товаров и вследствие этого земство могло быть лишено необходимых оборотных средств для ведения дальнейших операций. Исходя из этого соображения, НГЗУ сократила обороты по рогожной операции, доведя ее до минимума.

Согласно земской стратегии, именно развитие *кустарных артелей*, осуществление земством торгово-сбытового и технико-просветительского посредничества с перспективой дальнейшей передачи кустарным артелям земских складов и кустарных заводов позволило бы сблизить непосредственного самостоятельного производителя с рынком сбыта (потребителем). Так проявляла себя НГЗУ в условиях интенсивного роста кооперативных товариществ. Период 1910-1914 гг. явился новым этапом в кустарно-промышленной политике нижегородского земства, характеризующимся постепенным увеличением роли артельного начала во взаимоотношениях земства и производителя.

К сожалению, в исторических условиях того времени земская деятельность в области кустарно-промышленной политики не получила основательного продолжения и развития.

Список литературы

1. Нижегородский сборник, издаваемый Нижегородским Губернским статистическим комитетом под редакцией действительного члена и секретаря комитета А.С. Гациского: В 10 томах Н. Новгород: Тип. Нижегород. губ. правления, 1867–1890.
2. Нижегородская губерния в исследованиях Нижегородского губернского земства. СПб.: Паровая скоропечатня М.М. Гутзац, 1896. Вып. 1. 188 с.
3. Нижегородская губерния в исследованиях Нижегородского губернского земства. СПб.: Паровая скоропечатня М.М. Гутзац, 1896. Вып. 2. 133 с.
4. Нижегородская губерния в исследованиях Нижегородского губернского земства. СПб.: Паровая скоропечатня М.М. Гутзац, 1896. Вып. 3. 109 с.
5. *Бехли Д.Ю.* Мероприятия Нижегородского Губернского Земства по восполнению кустарной промышленности 1895–1902гг. СПб, 1902. 74 с.
6. *Николаев Д.А.* Участие Нижегородского губернского земства во Всероссийской кустарно-промышленной выставке 1902 года // Нижегородские исследования по краеведению и археологии: сб. – Нижний Новгород, 2001. С. 150–151.
7. *Фоменкова Е.А.* Международные экономические контакты кустарного отделения Нижегородской губернской земской управы // Российский исторический журнал. 2008. № 1. С. 77–81.
8. *Карташова М.В.* Участие кустарей в нижегородских промышленных выставках в конце XIX века // Нижегородский край в истории Российского государства: материалы II межрегиональной научной конференции памяти профессора Н.Ф. Филатова. Н.Новгород, 2009. С. 81–88.
9. *Карташова М.В.* Периодизация государственной кустарно-промышленной политики в России (последняя треть XIX – первая треть XX в.) // Нижегородский край в истории Российского государства: материалы III межрегиональной научной конференции памяти профессора Н.Ф. Филатова. Н.Новгород, 2010. С. 111–116.
10. *Карташова М.В.* Кустарная промышленность // Нижегородская энциклопедия промышленности и предпринимательства / сост. и науч. ред. Ф.А. Селезнев. Нижний Новгород: издательство «Книги», 2011. С. 263–266.
11. Сборник постановлений Нижегородского Губернского земства за 1894–1900 гг. Нижний Новгород: тип. Розенблум и Безводнинская, 1901 г. 428 с.
12. Доклад Губернской Земской Управы ХХІХ Очередному Нижегородскому Губернскому земскому Собранию по кустарному отделению. Н.Новгород, 1893 г. 11 с.
13. *Лиленкова А.П.* Нижегородское земство в 1890–1904 гг. (социальный состав, бюджеты и практическая деятельность). Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Горький, 1973. 28 с.
14. Областная выставка мелкой промышленности, профессионального образования и сельского хозяйства // Нижегородская земская газета. 1908. № 33. Стб. 763.
15. Доклад-отчет по Кустарному отделению Губернской Земской Управы ХХХІV очередному Нижегородскому Губернскому Земскому Собранию. Нижний Новгород, 1898 г. 14 с.
16. Сборник постановлений Нижегородского Губернского земства за 1900–1910 гг. Нижний Новгород: тип. Розенблум и Безводнинская, 1910г. 1502 с.
17. Кустарные мероприятия Нижегородского губернского земства // Нижегородская земская газета. 1910. № 1. Стб. 16.
18. Кустарные мероприятия Нижегородского губернского земства // Нижегородская земская газета. 1909. № 6. Стб. 161.
19. К кустарному съезду // Нижегородская земская газета. 1910. № 9. Стб. 265.
20. Объединение земств по сбыту кустарных изделий на Нижегородской ярмарке // Нижегородская земская газета. 1912. № 9. Стб. 271.

21. Кустарный съезд // Нижегородская земская газета. 1913. № 13. Стб. 370–372.
22. Кустарный съезд // Нижегородская земская газета. 1913. № 41. Стб. 1321–1324.
23. Товарищество по сбыту кустарных изделий // Нижегородская земская газета. 1914. № 2. Стб. 66.
24. Кустари и военное ведомство // Нижегородская земская газета. 1913. № 38. Стб. 1165.
25. Всероссийский земский союз и кооперация / // Нижегородская земская газета. 1914. № 36. Стб. 1438–1439.

УДК 811.161.1+УДК 811.162.3

**Визит в Россию китайского министра иностранных дел Ли Хунчжана
(1896 год)**

© 2013 г. А.А.Фролова

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

1808aff5@mail.ru

Описывается поездка китайского министра иностранных дел Ли Хунчжана в Россию весной 1896 года, посещение им Нижегородской Всероссийской промышленной и художественной выставки.

Ключевые слова: русско-китайские отношения в конце XIX века, Ли Хунчжан, коронационные торжества, Николай II, Нижегородская Всероссийская промышленная и художественная выставка 1896 года.

Взаимоотношения России и Китая сегодня представляют особый интерес, поскольку экономический и политический союз этих государств рассматривается многими аналитиками как возможная альтернатива моноцентричной модели мирового устройства, которая активно навязывается международному сообществу США. 2007 год был объявлен годом Китая в России, а 2012 год проходит под эгидой российского туризма в Китае. В этой связи пристальное внимание уделяется проблемам становления и развития российско-китайского взаимодействия: и в частности рассмотрению таких эпизодов в истории соседства двух стран, когда закладывались основы и вырабатывались механизмы тех особых отношений, которые всегда отличали русско-китайские связи от взаимодействия Китая с западными державами.

Одним из таких эпизодов является визит китайского «вице-короля» Ли Хунчжана в Россию, состоявшийся весной 1896 года. Эта поездка имела очень важное политическое и стратегическое значение: подготовка к ней проводилась очень основательно. Чрезвычайный Посланник и Полномочный Министр в Китае Артур Павлович Кассини получил указание начать переговоры с цинским правительством о поездке китайского правительства в Москву на коронацию Николая II. Стоит отметить, что участие в церемониях не являлось главной целью визита: царское правительство стремилось провести переговоры по двум основным вопросам: создание антияпонского русско-китайского союза и строительство Китайско-Восточной железной до-

роги. Большое значение визиту придавалось политиками различных европейских стран: особенно английский посланник Макдональд, всячески пытался помешать отправке делегации, но А.П. Кассини блестяще справился со своей задачей [1].

В чрезвычайно долгое, по тем временам, путешествие из Шанхая в Санкт-Петербург китайский государственный деятель взял немалую свиту, многочисленные подарки для Николая II, и даже гроб (!) на случай смерти в пути [2].

Как было сказано выше, визит китайского «вице-короля» был тщательно продуманным и подготовленным мероприятием. Русские власти понимали, что особая атмосфера приема, выполнение дипломатического ритуала, даже самые незначительные, на первый взгляд, детали путешествия, могли сыграть определяющую роль и повлиять на дальнейшее развитие отношений России и Китая. Ввиду этого готовились к встрече почтенного гостя на разных уровнях: от представителей государственной власти до купцов. Известный в Москве чайный торговец Сергей Васильевич Перов для того, чтобы удивить китайского сановника даже создал уникальный магазин, интерьеры и фасад которого смогли бы удивить Ли Хунчжана. Драконы, зонтики, змеи, фонарики – все эти стилизованные китайские элементы придавали зданию особый вид, который и по сей день поражает красотой и изысканностью гостей столицы [3].

Весной 1896 года Ли Хунчжан прибыл в Россию. Он стал, пожалуй, самым ярким гостем из всех зарубежных дипломатов, присут-

ствовавших на коронации Николая II. Свидетели коронационных торжеств описывали пышность мероприятий и их особый размах. Визит такого высокопоставленного чиновника, как Ли Хунчжан, естественно, освещался в прессе: «Тогда впервые в истории цинского Китая чиновник столь высокого ранга почтил восшествие на трон иностранного «варварского» монарха. Кстати, Ли Хунчжан был единственным из иностранцев, кто посетил и место ходынской катастрофы – но его, бывшего полевого командира китайской гражданской войны 1850-64 гг., унесшей жизни 30-40 миллионов китайцев, вид нескольких сотен раздавленных трупов не впечатлил...» – писал В.Ф. Джунковский в своих воспоминаниях [4].

Тем не менее, торжества произвели на китайского дипломата большое впечатление. В его воспоминаниях, собранных и опубликованных в 1913 году американцем Уильямом Манниксом, содержится такое замечание: «Коронация была удивительным зрелищем, я должен сказать это даже после того, что, со слов царя, я был в центре внимания больше чем он сам. Но все это западная лесть... (перевод А.Ф.)» [5, с.142]. Стоит отметить, что Ли Хунчжан стал единственным в России, кому официально разрешили не вставать при исполнении гимна «Боже царя храни». Сам дипломат объяснял это правилами придворного этикета в Китае. Многочасовые балы были утомительны для немолодого Ли Хунчжана: «Сегодня вечером я посетил другой банкет, устроенный царем, который, я надеюсь, не будет длиться так же долго, как и вчерашний. Это правда, что они готовят угощения специально для меня, но они на вкус не такие, как домашняя еда, или как та, что готовят наши повара, которых мы привезли с собой. Чай, однако, великолепен. Я взял его себе, как подарок царя и царицы, и Ту [шеф повара Ли Хунчжана – А.Ф.] рассказал им [русским – А.Ф.], как нужно его готовить (перевод А.Ф.)» [5, с. 144]. Ли Хунчжан привез много ответных подарков императору, Одним из которых было необыкновенно красивое вышитое покрывало.

Однако, для нас, нижегородцев, визит сановного китайца в Россию представляет особый интерес. Дело в том, что в ходе своей поездки по стране Ли Хунчжан посещает Нижний Новгород, где в это время проходила Всероссийская промышленная и художественная выставка.

28 мая 1896, во вторник, из Москвы «с поездом №2 bis, в 8 часов 40 минут Ли Хунчжан прибывает в Нижний Новгород. Для встречи Ли Хунчжана был выстроен почетный караул из 80 человек, его встречали главные лица города во главе с генерал-губернатором Н.М. Барановым». [6] Сухой язык официальных бумаг содержит немного интересных деталей. Зато А.М. Горький, который в это время работал корреспондентом на выставке, оставил очень подробное описание внешности китайского сановника. Этот словесный портрет позже автор включит в свой роман «Жизнь Клима Самгина»: ...*Это был человек среднего роста, одетый в широкие, длинные одежды той неуловимой окраски, какую принимают листья деревьев поздней осенью... Легкие, как тени, одежды эти прикрывали сухое, костлявое тело старика с двухцветным лицом..... Сквозь тускло-желтую кожу лица проступали коричневые пятна какой-то древней ржавчины. Каменное лицо это удлиняла серая бородка. Волосы ее легко было сосчитать...Глаза его косо приподняты к вискам, уши, острые, точно у зверя, плотно прижаты к черепу, он в шляпе с шариками и шнурками... Бархатные, тупоносые сапоги на уродливо толстых подошвах, должно быть, очень тяжелы, но человек шагал бесшумно, его ноги, не поднимаясь от земли, скользили по ней, как по маслу или по стеклу... [7].*

С вокзала Ли Хунчжан, его сын, находящийся в составе делегации, и свита проехали в коляске до берега, оттуда отправились на пароход «Князь Юрий», где их встретила толпа горожан, которые, по некоторым данным, были приглашены на набережную специально для создания радушной атмосферы [8].

Остановился знатный китаец в доме С.М.Рукавишникова, на Верхней Набережной, лучшем доме Нижнего Новгорода, куда и отправился прямо с пристани. Как выяснилось, столь знатный сановник не мог, согласно требованию китайского этикета ходить пешком – он путешествовал только в паланкине. Но так как в Нижнем Новгороде, не везде удобно путешествовать в паланкине, то для высокого гостя в Москве было заказано особое кресло, сидя в котором он при помощи своих многочисленных слуг и передвигался по городу и выставочным отделам [9].

В тот же день, 28-го мая, около 12 часов, после кофе, свита чрезвычайного посланни-

ка вернулась на станцию речной полиции. Сам же Ли Хунчжан остался дома отдыхать от дороги и отправился на выставку лишь в 15 часов. В одном из зданий-павильонов, как вспоминали очевидцы, внимание Ли привлек огромный изумруд. Он долго рассматривал его, вертя в руках, пока изумруд нечаянно не скользнул в широкий рукав 73-летнего сановника. Никто из окружающей свиты «не заметил» этого. К сожалению исторические источники не дают возможности ни подтвердить, ни опровергнуть этот любопытный курьёз, кочующий из публикации в публикацию [10].

Почтенный сановник посетил различные павильоны, в том числе и того места, где должна была пройти КВЖД, — Южно-Уссурийского края Российской империи. Заведовал этим отделом Петр Петрович Семенов-Тянь-Шанский, вице-председатель Императорского Русского географического общества. На открытии выставки, был дан праздничный обед, в ходе которого каждый его участник занимал строго определенное место: Ли Хунчжан и его свита сидели напротив С.Ю. Витте. Меню, по оценкам знатоков, было поистине изысканным: консоме из дичи, стерлядь, фаршированные фазаны, перепела, разного рода пироги и пирожные. Были учтены и кулинарные пристрастия гостя: меню содержало несколько китайских блюд [11].

На следующий день, 29 мая, он еще раз посетил выставку в 15 часов дня. В качестве сопровождающего при нем находился приближенный императора Николая II - князь Ухтомский. Посол Поднебесной империи побывал в китайских рядах выставки, задавал много вопросов, остался доволен увиденным, и вечером, в восьмом часу покинул Нижний Новгород [12].

Французский дипломат Жерар писал: «Путешествие Ли Хунчжана на Запад... должно быть новым поводом для сближения между Срединной империей и ее двумя великими соседями Севера и Юга, Россией и Францией...» [13].

Действительно, в ходе описываемого визита был подписан союзный договор между Россией и Китаем. По этому соглашению, которое имело характер военного союза двух империй против Японии, Россия получила право строить КВЖД с правом свободных перевозок по этой дороге и с соответствующей полосой отчуждения. Подписание договора 1896 года было проведено в соответствии с традиционными китайскими политико-правовыми и дипломатическими доктринами.

И хотя подписание договора о КВЖД породило бурю обсуждений и догадок в мировой прессе (текст договора оставался секретным), соглашение, подписанное С.Ю. Витте и Ли Хунчжаном, в целом было одобрено в Пекине [14].

Поездка в Россию стала непростым испытанием для уже немолодого Ли Хунчжана: многочасовые банкеты, трудные переговоры, проблемы со здоровьем. Но, в целом, китайский вице-король, если судить по его воспоминаниям, остался доволен и оказался сражен двумя вещами при российском императорском дворе: редчайшим чаем и русской императрицей: «Когда она говорила мне приятные вещи и поднимала бокал с вином около меня, я улыбался, и я думал, что это комплимент на память (*перевод- А.Ф.*)» [5, с. 144]. Здесь Ли Хунчжан отметит особое внимание, которое проявляла принимающая сторона к китайской делегации: «Русские долгое время пытались впечатлить меня, показать, что они относятся ко мне с самым высоким уважением (*перевод- А.Ф.*)» [5, с. 144].

Таким образом, поездка китайского «вице-короля» Ли Хунчжана в Россию, безусловно, была одним из важных шагов на пути укрепления союзнических отношений России и Китая. Можно предположить, что важнейшее значение в этом процессе имела не только прекрасно подготовленная дипломатическая составляющая визита. Неформальная сторона поездки, встречи с деловой элитой, посещение выставки, радушный прием, подготовленный в Нижнем Новгороде и т.д. сыграли немаловажную роль в процессе русско-китайского сближения, которое на весьма продолжительный срок определило господствующее положение России в системе внешнеполитических связей Китайской империи.

Список литературы

1. Матвеев А. Харбин. Начало [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rusichine.ru/Harbin/Harbin_history.html (дата обращения: 10.03.2013)
2. Китайский текстиль и русский император [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://msk-nagatino.livejournal.com/49177.html> (дата обращения 20.12.2012)
3. Сорокин В.В. «Памятные места Мясницой улицы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nauka.relis.ru/12/0003/12003108.htm> (дата обращения: 08.12.2012)
4. Джунковский В.Ф. Из «Записок». Коронационные торжества 1896 года в Москве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rusichine.ru/Harbin/Harbin_history.html (дата обращения: 10.03.2013)

- ронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hrono.ru/libris/lib_we/1896dzhunk.html (дата обращения: 10.12.2012)
5. *William Francis Mannix*. Memories of Li Hung Chang. Boston and New York Hughton Mifflin Company: The Cambridege press, 1913. 298 С.
 6. Нижегородский листок. -1896. -№173.
 7. *Горький М.* Жизнь Клима Самгина // *Горький М.* Собрание сочинений в шестнадцати томах. М.: Правда, 1979. Т.11. С.521-522.
 8. Нижегородский листок. -1896. -№ 176.
 9. Нижегородский листок. -1896. -№ 177.
 10. *Уфимцев Ю.* Китайский рукав [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.konkurent.ru/list.php?id=2053> (дата обращения 23.11.2012)
 11. Известия Всероссийской Промышленной и Художественной выставки. – 1896. - 30 мая.
 12. Нижегородский листок. -1896. - № 178.
 13. Ли Хунчжан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hrono.info/biograf/bio_1/li_hun.php (дата обращения 15.03.2013)
 14. *Ефимов Г.В.* Внешняя политика Китая 1894-1899 гг. М.: Госполитиздат, 1958. С. 196.

УДК 947.083 (471.324)

Русская военная миссия в Черногории в 1902–1912 годы

© 2013 г. П.П. Рыхтик

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

pahok16@yandex.ru

Преобразования в военной сфере Черногории, проводимые под руководством русской военной миссии во главе с Н.М. Потаповым. В рамках общего курса политики Российской империи в балканском регионе в преддверии первой мировой войны.

Ключевые слова: Балканский регион, Черногория, Николай Михайлович Потапов.

31 (18 по старому стилю) мая 1889 года за завтраком, который был дан в Большом дворце Петергофа после парада лейб-гвардии Конно-гренадёрского и Уланского полков, император Александр III, подняв бокал, провозгласил тост: «Пью за здоровье князя черногорского, единственного верного друга России». Известие об этом тосте облетело Петербург, распространившись вне его пределов, и произвело переполох за рубежом [1, с. 420].

Начало XX века, как известно, стало особым переходным периодом в истории стран Европы, а во многом и мира в целом. По-настоящему предвидеть войну, разразившуюся в 1914-1918 годах в Европе и столкнувшую в жестокое противостояние ведущие державы того времени смогли отнюдь не многие. В первую очередь это были представители правящей элиты этих стран, собственно, наиболее в этой войне заинтересованные. Основная же часть населения стран Европы в то время о грядущей войне не думало [9].

Первая мировая война же имела куда более масштабный характер, нежели какая-либо, проходившая ранее. Она вовлекла в противоборство огромное число стран. И по сей день отголоски звучавших в ту пору выстрелов терзают память ныне живущих поколений [7].

Как было сказано выше, правящие круги великих держав вполне осознавали неотвратимость этой войны, которая, как им виделось, должна была стать финалом шедшей тогда гонки вооружений и борьбы за сферы влияния (на Балканах в том числе) [10, с. 43]. И, как известно, она таковым финалом стала.

В этой ситуации правительство каждой из ведущих европейских держав осуществля-

ло подготовку к масштабной войне. Не стала исключением и Россия [10, с. 21-57].

Одним из ключевых аспектов означенной подготовки для России был поиск союзников, способных совместно с ней осуществлять борьбу против Тройственного союза. Совершенно логично, что в первую очередь в орбиту внимания России попадали балканские страны, населённые преимущественно южнославянскими народами, а именно Сербия, Черногория и Болгария. Симпатии и убеждения массы населения этих стран, как считали в Главном штабе России, всегда традиционно к ней тяготели [11, с. 10-43].

Черногория на тот момент являлась княжеством, государством, наименьшим по территории из всех, существовавших на Балканах в тот период. Однако Россия отводила ей особую роль, в случае конфликта с Австро-Венгрией и Германией или же с Турцией. Поэтому Главный штаб был заинтересован в создании здесь современной и боеспособной армии, которая подчинялась бы русскому военному министерству или, по крайней мере, действовала в рамках его интересов [11, с. 40-41].

Конечно, основная задача в этой борьбе ложилась, по замыслу Генерального штаба, на Сербию, но необходимость в подготовке и оснащении черногорской армии всецело осознавалась.

Начало русской военной помощи Черногории было положено 6 июля (24 июня по старому стилю) 1895 в ответ на просьбу князя Николая о предоставлении денежной помощи на формирование учебных частей. Тогда была установлена субсидия в 82 тыс. рублей и с начала 1896 года она была включена

в бюджет российского Военного министерства [11, Прим. 1. с. 46]. Ещё ранее в мае 1894 года, в ответ на просьбу князя Николая о снабжении его армии вооружением, Россия послала в Черногорию 30 тысяч винтовок Бердана, а затем 30 тысяч трёхлинейных винтовок образца 1891 года («мосинок» или «московок», как её стали называть в Черногории) с 12 миллионами и 12,9 миллионами патронов соответственно [11, Прим. 2. с. 28-29]. Сконструированный С.И. Мосином по-новому работающий магазин по подаче патрона, путём введения отсечки-отражателя, и простота винтовки для промышленного производства позволили ей успешно конкурировать с образцами бельгийского оружейника Л. Нагана. 16 апреля 1891 винтовка была принята на вооружение. Русская «трёхлинейка» безотказно служила бойцам во время Русско-японской, Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн. За время службы она подверглась лишь незначительной модернизации, что говорит о её высоких конструктивных качествах [5, с. 190].

Не позднее апреля 1903 года князь Николай приобрёл на русские деньги (по другой версии получил в подарок) во Франции 40 тыс. байонетов (изогнутых ружейных штыков) с аршина длиной и имевших форму ятагана. Так как они походили весьма на традиционные черногорские кривые боевые ножи, байонеты с успехом были приняты в рядах солдат, поступив немедля на вооружение армии. Таким образом, всё черногорское народное войско имело теперь однообразное холодное оружие хорошего качества [11, с. 56].

Говоря о создании армии в Черногории, особо следует выделить фигуру Николая Михайловича Потапова, ставшего в 1903 году первым российским военным агентом в Черногории и разработавшем для неё программы военных преобразований, военного строительства и обучения командного состава. Он прибыл в Цетинье в чине подполковника и, пробыв в стране 12 лет, вернулся на родину генерал-майором [11, с. 18]. Именно документы, связанные с его деятельностью и выступают источниковой базой данного исследования.

Николай Михайлович Потапов родился 2 (14) 1871 года в семье чиновника. В 1881 году был принят на казённый счёт в гимназию. После её окончания поступил в Первый Московский кадетский корпус и с тех пор в течении полувека находился в рядах русской армии. Завершив в 1897 году учёбу в кадетс-

ком корпусе, он поступил в артиллерийское училище и затем успешно закончил Академию Генерального штаба. После этого Н.М. - Потапов проходил стажировку в западноевропейских странах, изучая организацию военного дела в Германии, Франции, Швейцарии и Австро-Венгрии. Он ознакомился также с применением скорострельной артиллерии, которая тогда рассматривалась в качестве наиболее совершенной военной техники. В результате упорного труда он получил основательные знания в области военного дела и истории военного искусства, свободно владел западноевропейскими и сербским языками [6, с. 62,63,115; 11, с. 62-63].

С первых недель своего пребывания в Черногории Н.М. Потапов начинает инспекционные проверки черногорских военных подразделений, о результатах которых рапортует в Главный штаб [11, с. 62-65, 69-71]. Отдельно составляет он сводное, невероятно ёмкое и чёткое описание состояния черногорской армии на конец лета 1903 года, где также даёт её краткую характеристику:

Итак, это народное войско, набираемое по милиционному принципу, когда военнообязанным считается каждый способный носить оружие мужчина в стране, достигший восемнадцатилетнего возраста. Территория страны подразделяется на восемь военных округов(бригад) в рамках которых происходит формирование восьми пехотных батальонов. Общая численность пехоты определяется в 36882 человек. В отношении распределения тягостей военной службы мужское население делится на три класса, где причисленные к третьему классу обязаны службою в интендантстве и разного рода тыловых учреждениях.

Артиллерия состоит из шести батарей, формируемых в пяти крупных населённых пунктах (Цетинье, Вир-Базаре, Никшиче, Спуже (две) и Колашине). Батареи комплектуются в основном из разнокалиберных орудий Круппа, а также 10 турецких орудий, часть из которых в запасе. Приписано к артиллерии также 600 лошадей, в мирное время не распределённых по батареям, а находящихся на руках у жителей.

Оружие каждый милиционер имеет на руках и в мирное, непризывное время хранит дома. Вооружены солдаты русскими трёхлинейными винтовками образца 1891 года, частью револьверами, но только те, кто может их приобрести на собственные средства (не достаёт у 20 тыс. человек). Офицеры имеют

казённые сабли австрийского образца [11, с. 66-69].

По завершении проверок Н.М. Потапов составляет программу преобразований. Особо нападая на нежелательность изменений в принципе формирования армии, он предлагает в первую очередь увеличить состав министерства и соответственно распределение в нём труда, прописывает также и наилучший вариант новой структуры.

Затем Н.М. Потапов предлагает учредить при Военном министерстве особый шестимесячный курс для подготовки офицеров Генерального штаба, где особое внимание уделялось бы принципам ведения горной войны, а также администрация армии, причём не только своей, но и австрийской и турецкой [11, с. 74].

Особым пунктом выделяется Н.М. Потаповым необходимость создания учебной сапёрной полуроты.

Следующей значительной мерой он считает организацию учебных сборов инструкторов (офицеров) народного войска.

И наконец, как крайне необходимое, выделено ежегодное производство правильно организованных манёвров между частями различных бригад с привлечением командного состава остальных бригад, как посредников, и, разумеется, офицеров Генерального штаба в ролях штабных деятелей и посредников.

Кроме этих мер также особое внимание в программе Н.М. Потапова уделено ещё двум вещам: увеличению содержания офицерам народного войска и устройству значительного числа новых артиллерийских складов и рассредоточение по ним имеющихся артиллерийских запасов. Последняя мера была особенно важна для увеличения боеспособности армии, так как имелись бригады, на территории которых не было ни одного артиллерийского склада, тогда как многие другие были снарядами переполнены.

По мимо чисто военных, Россия предоставляет Черногории также и отдельные субсидии, что идут на содержание княжеского двора, государственного аппарата и, также, на армию.

Составление военных бюджетов на 1903-1906, а затем и на последующие годы также не проходит без участия Н.М. Потапова. На средства русских субсидий в 1905 году в Италии приобретаются новые артиллерийские орудия, организуются поездки Н.М. Потапова во Францию и Англию, где он лично вы-

бирает образцы пулемётов для черногорской армии [11, с. 213-215, 222, 235-238].

Князь Николай при всём этом с начала 1906 начинает метаться меж двух чаш политических весов Европы. В течении последующих 1907-1909 годов внешняя политика Черногорского княжества, начинает постепенно, но неуклонно оборачиваться против интересов России. Тем не менее на этом фоне продолжают выплачиваться военные субсидии, а Н.М. Потапов продолжает реорганизацию черногорской армии [11, с. 246-250].

Боснийский кризис 1908-1909 годов спровоцировал переориентацию черногорской политики в сторону России [4, с. 41-53]. В условиях усиления агрессии Австро-Венгрии и приближения её границ к Черногории, начиная с 1909 года, князь Николай неоднократно выступает с прошением к России об увеличении военных субсидий. Прошения эти подкрепляются рапортами Н.М. Потапова, где он отмечает целесообразность подобного действия, но говорит также о том, что в сложившихся условиях целесообразным также будет подписать с Черногорией специальное военное соглашение [11, с. 16].

Осознавая военно-политическое значение Черногории, Н.М. Потапов предвидит будущие масштабные расходы. В его дальнейших планах, прописанных в составленном им военном бюджете Черногории на 1910 год:

- прокладка по территории княжества стратегически важных железнодорожных путей;
- строительство патронного завода и фабрики по производству военного сукна, призванных обеспечить нужды армии в период военных действий (а после строительство и выделение средств на обеспечение их деятельности);
- создание материальных условий для содержания нескольких тысяч необходимых армии лошадей;
- дальнейшее обучение офицеров;
- также оговаривается необходимость очередного повышения средств, идущих на жалования командного состава и содержание армии в целом [11, с. 380-385, 398-401].

Мероприятия эти нельзя ни в коем случае характеризовать, как реформы. По сути, они представляли собой лишь привнесение ряда инноваций и улучшений в уже имеющуюся систему, сохраняя её ключевые преимущества, а также создании условий для улучшения её функционирования. Подобные мероприятия обходились дешевле, не влекли

серьезных проблем, связанных с неприятием коими часто сопровождаются реформы, и в конечном итоге возымели определённый успех.

17 (30) ноября 1910 соглашение было подписано [11, с. 475-476]. С этого момента оно начинает определять дальнейший ход реорганизации черногорской армии и оказывать влияние на черногорскую внешнюю политику в целом.

По данному соглашению Россия обязалась поставлять в Черногорию военные субсидии (размер которых оговаривался в приложении) и офицеров императорской русской армии в качестве инструкторов. Взамен Черногория обязывалась предоставлять свои вооружённые силы его императорскому величеству в распоряжение по первому призыву и не приглашать военных агентов и инструкторов из других стран. Информировать о своих военных планах русского военного агента. Действуя в рамках соглашения, Черногория была вынуждена сохранять внешний нейтралитет и уже не могла оказывать открытую поддержку, например, албанскому восстанию, хотя и продолжала делать это в тайне даже от русской военной миссии [11, с. 490-492].

Не смотря на ограниченность военным соглашением, король Николай не оставил планов по присоединению албанских территорий к Черногории. В 1911-1912 годах черногорская армия продолжала готовиться к войне с Турцией. В 1912 году между славянскими государствами Балканского полуострова заключаются союзнические договоры, на условиях взаимопомощи в случае войны с Турцией и с обязательствами по разделению её территорий в случае победы. С началом новых волнений в Северной Албании черногорская армия начинает новую мобилизацию. Летом 1912 года она начинают производиться провокационные нападения на Турецкие территории в районе Майковица. Выступает с претензиями на албанские территории и в ультимативной форме требует привлечения великих держав в качестве арбитров по этому вопросу. Однако противоречия остаются неразрешёнными [11, с. 580-584, 586].

В сентябре 1912 года. начинается первая Балканская война. В этой связи русско-черногорское военное соглашение прекращает своё действие. Прекращаются выплаты русских военных субсидий (вновь они будут возобновлены лишь в 1914 году с началом Первой Мировой войны). А функции военного агента в Черногории отныне ограничивались

лишь наблюдением за военной ситуацией в стране. Он теряет, по сути, своё прежнее влияние. Из их рапортов можно судить о действиях черногорских войск в этой войне.

В сентябре 1912 года. начинается первая Балканская война [11, с. 598]. В этой связи русско-черногорское военное соглашение прекращает своё действие. Прекращаются выплаты русских военных субсидий (вновь они будут возобновлены лишь в 1914 году с началом Первой Мировой войны). А функции военного агента в Черногории отныне ограничивались лишь наблюдением за военной ситуацией в стране, потеряв по сути своё прежнее влияние. Из их рапортов можно судить о действиях черногорских войск в этой войне.

С сентября (октября по новому стилю) 1912 года королём Николаем были допущены наблюдателями в Подгорицу итальянские и австрийские военные агенты. Об аналогичном дозволении просит и Н.М. Потапов [11, с. 601].

Во главе Зетского отряда черногорской армии встал сын короля Николая престолонаследник Данило [11, с. 732]. В течении двух дней после официального объявления войны черногорские отряды занимают приграничные турецкие территории, захватывают ряд укреплений в районе Дечича, что оборачивается однако для черногорской армией серьёзными потерями [11, с. 480-482].

В октябре 1912 года черногорцам удаётся ещё ряд укреплений и преступить к блокаде Шипчаника, где затем удаётся захватить около 3000 пленных, причём отмечается злоупотребление со стороны турок белым флагом. В дальнейшем в руки черногорцам переходят укрепления Хумского блата. В целом в течение осени 1912 года черногорская армия постепенно теснит турок по всему фронту [11, с. 602-608].

Благоприятными для черногорской армии оказались и природные условия. Истинные горцы, привыкшие к военным действиям в горных регионах ещё со времён войн за независимость от турецкого ига, черногорцы смогли успешно действовать и в албанских горах [8, с. 20-24].

Осада черногорцами оттоманского города Скутари, длившаяся с середины октября 1912 года до 23 апреля 1913 года. Черногорская армия не смогла взять город штурмом, поэтому предприняла длительную блокаду. Блокада непрерывно длилась полгода. Во время перемирия Османской империи с Балканским союзом Черногория продолжала блоки-

ровать город. Бои под Шкодером взволновали Францию, Австро-Венгрию, Германскую империю и Великобританию. Эти государства потребовали у Черногории снять осаду города, на что та ответила отказом. В ответ великие державы ввели в Адриатическое море свои суда, объявив о морской блокаде Черногории. Несмотря на это, 23 апреля черногорские войска в результате переговоров с турецким гарнизоном города вошли в Шкодер. Николай I Петрович лично поднял флаг Черногории над Шкодером. Взятие города ознаменовало окончание боевых действий между Черногорией и Турцией, и 30 мая того же года был подписан мир [3, с. 178-254].

В конечном итоге деятельность Н.М. Потапова по реорганизации черногорской армии была оценена. Лично король Николай выразил ему благодарность в связи с военными успехами черногорского войска [11, с. 610].

Обновлённые, обученные и сплочённые черногорские войска достойно проявили себя на полях сражений Балканских войн, а в дальнейшем и Первой Мировой войны, сыграв не последнюю роль, вынуждая противника противопоставлять им значительные силы, облегчая тем самым участь своих союзников.

Благодарности

Заведующему кафедрой Истории зарубежных стран исторического факультета, доктору исторических наук, профессору Белову Михаилу Валерьевичу.

Список литературы

1. *Витте С.Ю.* Воспоминания (1849-1894). В 2-х тт. М., 1960. Т. I. Детство. Царствования Александра II и Александра III. - М.: Соцэкгиз, 1960. - 556 с.
2. *Виноградов В.Н.* За балканскими фронтами Первой мировой войны – М.: Изд-во «Индрик», 2002. 502 с.
3. *Задохин А.Г., Низовский А.Ю.* «Пороховой погреб Европы» — Москва: «Вече», 2000. 416 с.
4. *Зайончковский А.М.* Вокруг аннексии Боснии и Герцеговины. // Красный архив, 1925, Т.3 (10). С. 41-53.
5. *Инженерные шедевры России* // И.Я. Орлов, В.В. Якимец, М.В. Козлов, А.И. Евдокимов. Казань., «Кварц», 2008. 224 с.
6. *Кавтарадзе А.Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917-1920 гг. М., 1988. 267 с.
7. *Михайлова Н.* День победы в Лондоне. http://9mayinlondon.co.uk/index.php?option=com_content&view=article&id=12&Itemid=19
8. *Пастухов А.* Балканская война 1912-1913 гг. – Москва: ООО «Издательство АСТ», 2003. Москва: Издание Товарищества издательского дела и книжной торговли Н.И. Пастухова, 1914. 210 с.
9. *Первая мировая война: Битвы в окопах 1914-1918.* Документальный фильм. 2005. 11 серий. // Студия : Creation films Режиссер Эдвард Фойерхерд.
10. *Писарев Ю.А.* Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М., Изд-во Наука, 1985. 285 с.
11. *Потапов Н.М.* Русский военный агент в Черногории. Том 1. Донесения, рапорты, телеграммы, письма 1902-1915гг. М. – Подгорица 2003. 791 с.
12. *Рябинин А.* Малые войны первой половины XX века. Балканы. — М: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2003. — 542 с.: ил. — (Военно-историческая библиотека) <http://ru.znatock.com/docs/index-44172.html>
13. *Хитрова Н.И.* Россия и Черногория. Русско-черногорские отношения и общественно-политическое развитие Черногории в 1878-1908. М., 1993. 354 с.
14. В «пороховом погребе Европы». 1878-1914 гг. // М.: «Индрик», 2003. 536 с. с ил.

УДК 947.083 (471.324)

**Учреждение земских участковых начальников как судебного института:
реформа или контрреформа?**

© 2013 г. А.А. Сорокин

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

skaliger1989@yandex.ru

В статье анализируются причины учреждения судебного института земских участковых начальников. Указывается место данного института в системе государственного управления Российской империи в конце XIX в.

Ключевые слова: земские начальники, мировой суд, судебная контрреформа.

«Эпоха Великих реформ», как принято в отечественной историографии именовать реформы Александра II (1855–1881), в числе которых судебная занимала одно из первых мест, сменилась «контрреформами» Александра III. Были совершены ряд отступлений от заложенных ранее принципов в сфере местного суда. Основным законодательный акт, относящийся к институту местного суда — «Положение о земских участкахых начальниках» 1889 г. — именуется «судебной контрреформой».

В то же время рядом исследователей отмечается, что контрреформы как таковой (то есть отмены прежних завоеваний) в сфере местного суда не было, а имела место лишь его модернизация [1, с. 151].

В настоящее время накопился достаточный объем историографии по земским начальникам в целом. Первые работы появились уже в дореволюционный период и отличались крайней политизированностью [см.: 2, 3, 4]. Современными исследователями анализируются документы, являющиеся правовой основой деятельности института земских начальников [5, 6], сам состав института [7, 8], его региональные особенности [9, 10].

Ввиду того, что в постсоветский период деятельность земских начальников была достаточно хорошо изучена, и был введен в оборот значительный массив источников, связанных с их деятельностью (преимущественно делопроизводственные материалы), представляется возможным и актуальным выяснить, чем являлось введение института земских начальников — реформой или контрреформой в отношении местного суда.

Для этого сравним институт земских начальников по ряду параметров с предшествующим ему институтом мировых судей с целью выявления отличительных черт. Характеризуя институциональные различия и встраивая полученные данные в картину сложившейся к 1880-м годам общественно-политической ситуации в России, можно будет дать ответ на поставленный вопрос.

Судебные уставы 1864 г. во многом унифицировали и либерализовали всю судебную систему Российской империи; особо стоит подчеркнуть введение института мирового суда. Обособленный выборный мировой суд, решавший дела по малозначительным проступкам как гражданского, так и уголовного характера, был очень важен как инстанция, доступная для большинства жителей сельских и городских местностей.

В то же время, сама идея мирового суда, блестящая в теоретических построениях, очевидно, в определенном смысле дискредитировала себя в 1860-1870 гг., что привело к необходимости дальнейших нововведений в этой сфере, причем с расширяющимся присутствием государства. Так, нужно заметить, что одна из первых проблем, с которыми столкнулся мировой суд — это кадровый дефицит: с 1840 по 1863 г. юридическое образование в России получили лишь 3650 человек, а только мировых судей требовалось не менее 1320 [11, с. 105—106].

Вторая причина, вызвавшая необходимость расширения присутствия государства в институте местного суда, — особая общественно-политическая ситуация, сложившаяся в России к 1860-м гг., и достигшая опреде-

ленного апогея к 1 марта 1881 г., когда народолюбцами был убит Александр II. Определенно, радикально настроенные круги хотели изменений всего и сразу, консерваторы же в сложившейся ситуации платили им той же монетой, ибо либеральные реформы в условиях самодержавия не могли не привести к противоречию, поставив власть в ситуацию выбора между двумя основными путями развития страны: либо последовательная модернизация всего экономического, общественного и государственного строя, установление конституционной монархии, многопартийности, парламентаризма и т.д., либо сохранение status quo, а значит – проведение реформ с помощью метода «сильной руки», при жестком абсолютистском режиме [12, с. 115].

Стоит отметить, что введение института земских начальников свидетельствует, с одной стороны, о встраивании местного суда в государственный аппарат, а с другой стороны, в историософском аспекте — это есть приведение в соответствие структуры местного суда существовавшему политическому абсолютистскому режиму. С усилением государственного присутствия в местном суде усиливалась и ответственность сменивших мировых судей земских начальников, которые, как и любые другие чиновники, могли в любое время быть уволены с занимаемой ими должности.

Более того, введение института земских начальников — не столько попытка ликвидировать институт мировых судей (поскольку в самом «Положении...» прямо указывается, что «земские начальники исполняют обязанности мировых судей» [13]), сколько стремление упорядочить волостной суд. Особое беспокойство вызывало отсутствие надлежащего контроля над действиями должностных лиц крестьянского самоуправления. Так, вятский губернатор Н.М. Клингенберг писал, что «в волостных правлениях и волостных судах делопроизводство ведется беспорядочно, на крестьянских сходах творится произвол» [Цит. по: 5, с. 33]. И в этом отношении политика Александра III полностью продолжает политику Александра II, при котором действовала особая Комиссия под председательством сенатора М.Н. Любошинского, производившая исследования работы волостных судов. Комиссия была образована 16 декабря 1871 г. и имела целью собрать статистические сведения о деятельности волостного суда (число волостных судей, грамотность судей, число заседаний, порядок ведения дел), а так же

дать оценку деятельности волостных судов, образованных в результате реформы 1861 г. Комиссия выявила целый ряд недостатков в работе местной юстиции. Особенно отмечены почти поголовная неграмотность судей, зависимость от волостного писаря, отсутствие каких-либо правовых обычаев, которые могли бы стать источником права.

По сути, Александру III пришлось приспособлять те теоретические построения в области местного судостроительства, которыми руководствовался его предшественник, к российской действительности и специфике периода его правления. Фактический материал, накопившийся за два с небольшим десятилетия после учреждения волостного и мирового судов, позволял довольно объективно судить об имевшихся недостатках.

Земских начальников не стоит характеризовать как исключительно дворянский институт. В настоящее время исследователями приведен ряд примеров, когда должность земского начальника занимали лица недворянского звания [14, с. 31]. Здесь же надо отметить, что институт мировых судей, предварявший земских начальников, имел аналогичный социальный состав: И.И. Дунаев относительно мировых судей Нижегородской губернии указывает, что «социальный состав мировых судей в 1869 — 1870 гг. свидетельствует, что эту должность занимали, как правило, лица привилегированные: 98,6 % мировых судей являлись дворянами... Среди мировых судей не было ни одного из представителей мещан или крестьян» [15, с. 16—17].

Что касается соединения судебной и административной власти, то данный вопрос всерьез рассматривался еще при обсуждении проекта Судебных уставов 1864 года в Государственном Совете: «... доказывают, что... для удовлетворительного исполнения обязанности судьи нужно иметь научное юридическое образование и специальную по судебной части опытность; что, следовательно, судей не могут избирать из среды себя ни сельское, ни городское сословия, и что даже дворянское сословие не много их найдет в числе местных жителей избирательного округа. Но все эти возражения не могут иметь применение к выбору мировых судей, от коих требуется не специальное юридическое образование, а именно заслуженное доверие и знание местных условий и обстоятельств, и круг действия коих не может быть ограничен исключительно судебными обязанностями» [Цит. по: 16, стб. 2119].

Введение института земских начальников позволило ротировать судебный корпус на местах с учетом опыта предыдущей деятельности кандидатов в земские начальники в судебной сфере (немалое количество земских начальников имело опыт работы в качестве мирового судьи [17, лл. 5 об. — 15 об.]).

Важной чертой, которая отличала земских начальников от мировых судей, являлась их назначаемость. Здесь можно найти ряд своих плюсов, поскольку трехлетний срок службы выборного мирового судьи ставил его в определенную зависимость от представителей земства [16, стб. 2117—2134]. Более того, относительно назначаемости император по сути расширил курс своего предшественника, в основном опробованный в 1870-е годы на окраинах Российской империи: в тех местах, где земские учреждения не создавались (Кавказ, Прибалтийские губернии, Царство Польское, Азиатские губернии, Архангельская и Астраханская губернии), мировые судьи назначались правительством.

Теперь рассмотрим деятельность земского начальника в отношении качества правосудия. В 1898 г. всего в Нижегородском уезде Нижегородской губернии пятью земскими начальниками было решено 40 дел по рассмотрению приговоров сельских и волостных сходов. Из них 7 было представлено по рассмотрению для отмены [18, лл. 2 об. — 3]. По ст. 62 «Положения о земских участковых начальниках» в том же году на той же территории было решено 192 дела, и из них по 183 были наложены взыскания на сумму 643 рубля 35 копеек, а по оставшимся девяти делам виновные были представлены на предмет увольнения или предания суду [18, лл. 3 об. — 4]. По ст. 61 «Положения...» тогда же было рассмотрено 60 дел, возбужденных «по непосредственно усмотренным земским начальником проступкам и по неисполнению его законных распоряжений». По всем 60 делам на виновных («наказано было человек при чем — 570») были наложены взыскания, причем в 12 случаях эти взыскания были наложены на членов сельских сходов [Там же]. Согласно «Настольному реестру судебных дел земского начальника 1-го участка Нижегородского уезда на 1911 год», из 217 уголовных дел, относящихся к периоду между 14 мая 1910 г. и 20 декабря 1911 г., 19 дел (около 9 %) были прекращены производством по различным причинам (в том числе и за отсутствием состава преступления), а по 11 делам (5 %) были вынесены оправдательные вердик-

ты [19, лл. 1—20] (то есть уровень репрессивности примерно соответствовал аналогичному уровню у мировых судей). Эти данные опровергают высказывание дореволюционного правоведа Гессена о том, что «в течение почти 20 лет земские начальники втаптывали в грязь законы, беспощадно подрывали в крестьянах уважение и доверие к ним, настойчиво приучали их к насилиям» [20, стб. 1558].

Исходя из анализа соотношения проведенных Александром III преобразований в сфере местного суда с фактическим положением вещей в этой области при его предшественнике, «уместно говорить не о «контрреформах», а о корректировке государственного курса. Дело... не в том, что император механически хотел вернуться назад, а в том, что политика 60-х годов слишком «забежала вперед», что осознал уже и Александр II» [21, с. 43]. Очевидно, что курс, проводимый Александром III в области реформирования местного суда, не был направлен на жесткую консервацию существующих порядков; скорее, он был направлен на повышение качества местной юстиции, которое, с учетом имеющейся кадровой и бюджетной базы, могло быть достигнуто постепенно, при активном участии государства в формировании институциональных черт суда и судебного корпуса.

Список литературы

1. Биюшкина Н.И., Киселева А.В. Судебная реформа в Российской империи в 1864—1890 гг. (на материалах Нижегородской губернии). Н. Новгород, 2007. 243 с.
2. Дружинин Н. Юридическое положение крестьян: Исследование. СПб., 1897. 385 с.
3. Кожухар К.Я. Земские начальники // Вестник права. 1905. № 5. С. 93—132.
4. Гютрюмов А. Земские начальники и нужды русской деревни // Юридический вестник. 1889. Т. II. Кн. 2—3. №№ 6—7. С. 312—323.
5. Гурьянов М.М. Разработка Положения о земских начальниках // История государства и права. 2007. № 21. С. 32—34.
6. Тетюхин И.Н. «Положение о земских участковых начальниках» от 12 июля 1889 г. и его влияние на мировой суд // Вестник Тамбовского государственного университета. 2008. Вып. 8 (64). С. 293—296.
7. Куриаков А.П. Введение института земских начальников в Казанской губернии в конце XIX — начале XX в. // Клио. 2011. С. 99—101. № 4.
8. Дехтяр А.А. Земские начальники Нижегород-

- ской губернии: «нравственный ценз» и «нравственные свойства» // Записки краеведов. Н. Новгород, 2006. С. 63—70.
9. Башкирева Н.В. Земские участковые начальники Воронежской губернии: состав, функции, деятельность: 1889—1917 гг.: дисс. канд. ист. наук. М., 2010. 280 с.
 10. Гурьянов М.М. Институт земских начальников в конце XIX — начале XX вв. и его региональные особенности: дисс. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. 202 с.
 11. Коротких М.Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1989. 185 с.
 12. Лонская С.В. Мировая юстиция в России. Калининград, 2000. 215 с.
 13. Положение о земских участковых начальниках // ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. IX. № 6196.
 14. Сафронова Н.В. Земские начальники: за и против // Человек и общество: история и современность: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 8. Воронеж, 2009. С. 27—35.
 15. Дунаев И.И. Институт мировых судей Нижегородской губернии во второй половине XIX — начале XX века: автореферат дисс. канд. юр. наук. Н. Новгород, 2004. 22 с.
 16. Городынский Я.К. Причины недостатков нашего выборного института // Право. 1899. № 45. Стб. 2117—2134.
 17. Центральный Архив Нижегородской области (далее — ЦАНО). Ф. 317. Оп. 77. Д. 15а.
 18. ЦАНО. Ф. 317. Оп. 77. Д. 18.
 19. ЦАНО. Ф. 317. Оп. 77. Д. 72.
 20. Гессен И.В. Реформа местного суда // Право. 1907. № 22. Стб. 1557—1565.
 21. Боханов А.Н. Правил — как завещал отец // Родина. 1994. № 11. С. 40—46.

УДК 94(410) «19/20»+УДК 070.19

**Великобритания на страницах газеты "Новое время" 1907-1917 гг.:
от образа врага к образу друга**

© 2013 г. Э.З. Фатехова

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

elm.zf0@gmail.com

В статье анализируется эволюция образа Великобритании, культивировавшегося газетой "Новое время" в 1907-1917 гг., с учетом устойчивости стереотипов, внутривнутриполитической ситуации в Российской империи, а также текущего международного положения.

Ключевые слова: газета "Новое время", Великобритания, стереотип, образ.

Информационная сфера, в особенности массовая, является мощным средством формирования общественного сознания и воздействия на него, поэтому оказывает огромное влияние на состояние политической, экономической, оборонной и других структур общества.

Через сопоставление себя с внешним миром происходит познание собственных особенностей, определение своего места в мире. Проблема самоидентификации является актуальной, так как в эпоху глобализации нарастает взаимопроникновение культур, тому или иному обществу важно не только сохранить свою самобытность, но и быть открытым к восприятию других народов. Пониманию особенностей их развития и мышления чаще всего способствуют или препятствуют сложившиеся образы и стереотипы.

В основе механизма образования внешнеполитических форм восприятия в обществе лежит исторический опыт, состоящий из практики двусторонних контактов и ощущения этносом себя на международной арене. Сильнейшее влияние на восприятие оказывает и внутривнутриполитическая ситуация, государственные и классовые интересы, экономическое положение, идеологические процессы, развивающиеся в социуме и т.д. Третьим фактором формирования внешнеполитических представлений является текущее международное положение.

Необходимо заметить, что рассматриваемый период относится к периоду думской монархии, когда во время нарастающего внутреннего кризиса осуществляются попытки реформ и наблюдается частичная стабилизация.

Частная ежедневная газета как главное средство массовой коммуникации в это время аккумулировала в себе огромную и разнообразную информацию.

Цель работы – проанализировать образ Великобритании, культивировавшийся газетой «Новое время» с 1907 по 1917 год.

Издание занимало особое положение в государстве, прессе и обществе. Конечно, отношение к «Новому времени», к его идеям и заявлениям в сложной российской действительности было разным – от безусловного восприятия до столь же безусловного отрицания и порицания.

Газету характеризовали по-разному: «подлейшая» [1, с. 126], «услужливая» [2, с. 276], а также «самая информативная» [1, с. 126], «выдающаяся» [3, с. 75; 2, с. 459], «национальная» [4, с. 246; 5, с. 861], «самая влиятельная» [6, с. 126]. «Новое время» называли «официозом царского правительства» [7, с. 59] и «выразителем идей и лоббистом русского капитализма» [1, с. 124].

По словам литературного критика и публициста рубежа XIX–XX вв. Василия Розанова: в другой газете «вы написали фельетон, два, три, – вы подняли целую «кампанию»... Ничего. В «Новом времени» если появится заметка в 5–6–10 строк, отовсюду начинается движение, шлют деньги, вещи, спрашивают, пишут письма» [1, с. 125].

Издание оперативно и квалифицированно освещало внешнеполитические события, анализировало дипломатические, экономические, культурные отношения между державами, в том числе между Россией и Британской империей.

Общее обострение международной обстановки, связанное с усилением соперничества двух держав, напряженность в отношениях которых на рубеже XIX–XX вв. достигла опасной черты, сыграли весомую роль в формировании негативного образа соперника. Еще в конце 90-х годов XIX века газета «Новое время» изображает нравственную деградацию Англии, ее жадность, жестокость, надменность, неоправданно высокую роль рационализма в жизни общества, падение духовного уровня англиканской церкви [8, с. 2; 9, с. 2; 10, с. 1].

С подписания летом 1907 г. англо-русской конвенции о разграничении сфер влияния в Персии началось официальное сближение двух держав, что означало кардинальные перемены в их внешней политике, ломку сложившихся стереотипов. Однако соглашение не изменило общей направленности восприятия этой страны в России.

Газета «Новое время» выражало различные мнения по поводу сближения давних врагов: «прекращение англо-русской вражды – первый шаг к спасению человечества» [11, с. 3]; в телеграммах из Лондона корреспонденты сообщают, что «многие английские государственные и общественные деятели выражают сочувствие состоявшемуся англо-русскому соглашению и надежду на прочную и искреннюю дружбу» [12, с. 3], «искренне желают мира» [13, с. 1]. Между тем существовала и другая позиция: «эта дипломатическая процедура до известной степени напомнила торг Чичикова с Собакевичем... Ожидать от Англии каких-либо серьезных уступок мы решительно не в праве. Без соответствующего вознаграждения она не станет их делать: не таков характер практических англичан, чтобы они поступали платонически в делах, имеющих для них значение не меньше, чем для нас... Англия мешала нам в продолжение целого столетия, Англия – наш постоянный враг» [14, с. 4].

Нападки на данное соглашения не прекращались и в 1910 г., однако публицист «Нового времени» уточняет, что это лишь мысли «реакционной части русской печати, воинствующих органов печати германской и радикальных газет в Англии» [15, с. 3]. Постепенно, ввиду складывающихся внутренних и внешних объективных обстоятельств, образ Великобритании все больше приобретает положительные черты.

«Новое время» старается усилить положительное отношение российских читателей

с помощью описаний столь же теплого и сочувствующего отношения британцев к России и ее населению. Например, в ряде статей рассказывается о молитвах английских епископов и самих британцев «о благоденствии и спасении России» [16, с. 2; 17, с. 5], о сборе пожертвований в пользу русских пострадавших от неурожая. Указывается, что «таким путем англичане лучше всего докажут свое искреннее чувство доброжелательности к русскому народу» [18, с. 4].

В годы Первой мировой войны на первых страницах газеты «Новое время» ежедневно печатались сообщения из ставки, телеграммы, события дня. Ярко изображались победы союзников, в особенности – англичан, об этом говорят такие статьи: «Блестящая победа англичан» [19, с. 3], «Вооруженная мощь Великобритании» [20, с. 5]. Приводятся примеры товарищеских отношений русских и британских рабочих [21, с. 4], матросов [22, с. 2] и солдат, подчеркивается их желание сохранить дружеские связи.

Столь дружественное отношение к Британии изображается при столь же сильном неприятии Германии, о чем свидетельствуют такие статьи как «Очередная немецкая наглость» [23, с. 5], «Новая германская интрига» [24, с. 4], «Новое зверство немцев» [25, с. 4], «Немецкая банковская гидра» [26, с. 13]. Антигерманская направленность также объединяла русских и англичан, у которых «борьба с германизмом ведется настойчиво, последовательно и планомерно» [27, с. 4].

Англичане изображаются ценителями русской культуры. Например, в Лондоне в 1914 г. предполагалось организовать русскую выставку, которая «должна отражать не только деловые стороны нашей жизни, но и всю русскую деятельность... чтобы создать почву для более тесного морального единения тяготеющих друг к другу стран» [28, с. 4].

Итак, газета «Новое время» постепенно начинает представлять вниманию своих читателей Великобританию, ее нравы, обычаи, население с позитивной стороны. Трансформация образа союзника из образа недавнего противника стала заметной частью общественно-политической и общественно-культурной жизни двух стран только с 1914 г.

Это было обусловлено, во-первых, устойчивостью стереотипов, ведь складываясь на протяжении многих лет, они порой заслоняют действительность, существуют вопреки логике исторического развития, несмотря на то, что основа их – в реальном мире.

Во-вторых, с заключением в 1907 году англо-русского соглашения проблема ориентации внешней политики России не была окончательно решена, так как в правящих кругах господствовало «нейтралистское» течение, представители которого планировали заключить соглашения с Германией и Австро-Венгрией. Примечательно, что даже с началом Первой мировой войны, симпатии оставались на стороне агрессора. Таким образом, проявилась неспособность общественно-мнения адекватным образом скорректировать «образ врага» и «образ друга». Это было, прежде всего, обусловлено социально-политическими установками и представлением о Германии как об олицетворении «консервативного, монархического начала», в то время как Великобритания воспринималась как олицетворение всего «радикального». Исходя из этого, Германия оказывалась политически ближе, чем Великобритания. Первая выступала в качестве символа авторитарной, монархической власти, последняя — неприемлемой для правых либеральной демократии.

Однако, в-третьих, политическое устройство Англии указывало возможный путь эволюции русской монархии, постепенный и бескровный. При этом логика международных отношений все чаще вынуждала ставить вопрос о необходимости дружеских отношений с Великобританией для создания противовеса растущей германской угрозе, что также заставляло обращаться к обсуждению этой страны. Кроме того, царское правительство осознавало слабость своих внутривосточных позиций, желая заручиться активной поддержкой зарубежных монополий, делало все возможное для привлечения иностранных капиталов в экономику страны. С опорой на Англию и Францию русская буржуазия рассчитывала добиться, с одной стороны, ослабления Германии как торгового конкурента, с другой — проведения в стране буржуазных реформ, тем самым предотвратив опасность новой революции.

Формированию положительного общественного мнения по отношению к Великобритании способствовала пресса, которая приобретает особую значимость в это критическое, переломное время.

Список литературы

1. *Мещерякова А.* Великая Россия им обязана // Конкуренция и рынок. — 2005. — № 2 (июнь). — С. 124–130.
2. *Витте С.Ю.* Воспоминания: [В 3-х томах]. Т. 3 (17 октября 1905–1911) Царствование Николая II. — М.: Соцэзгиз, 1960. — 723 с.
3. *Динерштейн Е.А.* А.С. Суворин: человек, сделавший карьеру. — М.: РОССПЭН, 1998. — 375 с.
4. *Дубин Б., Рейтблат А.* Государственная информация и массовая коммуникация (Русская пресса второй половины XIX — начала XX вв.) // Отечественные записки. — 2003. — № 4. — С. 237–248.
5. *Суворин А.С.* В ожидании века XX. Маленькие письма. — М.: Алгоритм, 2005. — 1021 с.
6. *Махонина С.Я.* А.С. Суворин — портрет на фоне новых книг о нем // Вестник МГУ. Серия 10, Журналистика. — 2001. — № 2. — С. 108–126.
7. *Бовыкин В.И.* Очерки истории внешней политики России (конец XIX века — 1917 год). — М.: Учпедгиз, 1960. — 216 с.
8. *Горлов В.* Новая английская интрига // Новое время. 1 (13) сентября 1899. № 8445. — С. 2.
9. *Черевков В.* Трансвааль и английские притязания // Новое время. 25 июля (6 августа) 1899. № 8407. — С. 2.
10. *Театр и музыка* // Новое время. 6 (18) января 1898. № 7852. — С. 1.
11. *Аргус.* Внешние известия: англо-русское соглашение в Австрии // Новое время. 16 (29) октября 1907. № 11349. — С. 3.
12. Телеграммы наших корреспондентов от 17 января. Лондон // Новое время. 18 (31) января 1908. № 11441. — С. 3.
13. Телеграммы наших корреспондентов от 20 января. Лондон // Новое время. 21 января (3 февраля) 1908. № 11444. — С. 1.
14. *М-е(о).* Мысли об англо-русском сближении // Новое время 21 января (3 февраля) 1908. № 11441. — С. 4.
15. Нападки на англо-русское соглашение // Новое время. 2(15) апреля 1910. № 12233. — С. 3.
14. Телеграммы. В Англии // Новое время. 2 (15) января 1913. № 13222. — С. 2.
15. Внешние известия. Молитва о России // Новое время. 2 (15) апреля 1917. № 14742. — С. 5.
16. Телеграммы. Англичане и голод в России // Новое время. 21 апреля (4 мая) 1912. № 12969. — С. 4.
17. События дня. Блестящая победа англичан и французов // Новое время. 5 (18) апреля 1917. № 14743. — С. 3.
18. *Аладьин А.* Внешние известия. Вооруженная мощь Британской империи // Новое время. 16 (29) ноября 1916. № 14610. — С. 5.
19. Французские и английские социалисты о целях войны. Беседа с г. Сандерсом // Новое время 6 (19) апреля 1917. № 14744. — С. 4.

20. Английские моряки и Балтийский флот // Новое время. 8 (21) апреля 1917. № 14746. – С. 2.
21. Очередная немецкая наглость // Новое время 17 (30) апреля 1916. № 14407. – С. 5.
22. Новая германская интрига // Новое время. 1 (14) ноября 1916. № 14605. – С. 4.
23. Новое зверство немцев // Новое время. 6 (19) ноября 1916. № 14610. – С. 4.
24. Немецкая банковская гидра // Новое время. 12 (25) ноября 1916. № 14616. – С. 13.
25. Борьба с германским засилием в Англии // Новое время. 9 (22) ноября 1916. № 14613. – С. 4.
26. Русская выставка в Англии // Новое время 16 (29) января 1914. № 13595. – С. 4.

УДК 811.161.1+УДК 811.162.3

Воздействие властных структур СССР на массовое сознание во время проведения денежной реформы 1947 года

© 2013 г. *М.Д. Новиков*

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

maximnovikov3-@mail.ru

Работа посвящена изучению формирования правительством массового сознания во времена денежной реформы 1947 г., как пример взаимодействия власти и общества при создании определённого общественного мнения.

Ключевые слова: реакция населения, денежная реформа 1947 г., взаимодействие власти и общества, массовое сознание.

Данная тема является частью исследования реакции населения на проводимые властными структурами советского правительства мероприятия во время денежной реформы 1947. Сразу же может возникнуть вопрос: «Почему именно реакция населения и именно данное мероприятие власти?» Считаю, что ответить на данный вопрос можно следующим образом. Отношения между властью и обществом всегда волновали людей всех времён и народов. Люди пытались понять, почему власть делает так, а не по-другому, как на это реагировать и почему не всегда учитывается мнение населения.

На сегодняшний день данная проблема стоит достаточно остро, поскольку в современной России есть проявления непонимания действий различных органов власти, что воплощается в различные общественные реакции как, например, митинги, демонстрации, сетевые обсуждения всего, что происходит в стране.

Экономическая ситуация на сегодняшний момент также оставляет желать лучшего, поскольку сейчас все переживают последствия мирового финансового кризиса, поэтому не знают, что делать, как реагировать и проявлять ли вообще доверие к власти?

Поэтому, чтобы предотвратить нежелательные для нашего населения и государства события стоит обратиться за решением проблемы в историю. Помочь в этом нам может изучение денежной реформы 1947 года, когда народное хозяйство после Великой Отечественной войны восстанавливалось, правительство искало пути решения, но население не могло выразить свои пожелания, чтобы

власть могла бы их как-то учесть или просто услышать, но это было трудно.

Поэтому данное исследование представляется актуальным, показывая взаимовлияние населения и власти на все мероприятия реформы, установление диалога и его результаты.

Как обозначено в теме статьи объектом изучения выступило массовое сознание населения СССР и воздействие на него властных структур. «Массовое сознание - общественное сознание масс (классов, социальных групп) конкретного общества, отражающее условия их повседневной жизни, потребности, интересы, м. с. включает в себя распространённые в обществе идеи, взгляды, представления, иллюзии, социальные чувства людей.»[1] Именно поэтому мы можем говорить о том, что подобное сознание может быть скорректировано.

Манипуляции и управление сознанием в современном обществе – распространённое явление. Методы и средства воздействия окружают нас повсюду – СМИ, реклама, интернет. Они провоцируют нас на определённые мысли, поведенческие реакции и принятие или неприятие предлагаемых идей.

Соответственно, целью работы выступило изучение способов воздействия на массовое сознание и как эти способы оказывали влияние на реакцию населения на основе исторических источников.

Из данной цели выходят следующие задачи:

1. Выделение групп источников, способствовавших формированию массового сознания

2. Выяснение степени изученности данной проблемы

3. Анализ источников с выявлением методов и технологий управления сознанием

4. Выяснение официальной позиции власти, доводимой до населения

Основными группами источников в работе выступают:

1. Периодические издания

2. Визуальные материалы (плакаты, наклейки на спичечных коробках, телехроника)

3. Официальные документы

Работа с данными материалами достаточно специфична. Поэтому придётся прибегнуть к методам источниковедения советского периода (для работы с письменными документами), искусствоведческому анализу (при работе с визуальными материалами), а также выявление манипулятивных технологий в действиях правительства.

Начать исследование, было решено с материалов периодической печати, т.к. данные источники находятся в широком доступе, и через призму периодической печати мы можем выявить способы воздействия на общественное мнение со стороны государства, поскольку органы печати были подконтрольны советскому правительству. Упоминания о денежной реформе пришлось на период с середины декабря 1947 по март 1948. Доведение информации и воздействие на общественное мнение – важнейшая задача советских печатных органов. Формы могли быть совершенно разными: где-то формальные статьи и заметки, а где-то использована развлекательная форма подачи материала. Последняя форма наиболее удобна, потому что юмор и сатира – доступны для любого круга читателей, люди хотят посмеяться, отдохнуть за чтением весёлого журнала. А талантливые печатники использовали этот психологический приём для формирования общественного мнения среди населения.

Такие приёмы мы можем увидеть в журнале «Крокодил», где встречаются упоминания о реформе и представлен интересные и смешной материал, позволяющий людям поверить в преимущества нового, через высмеивание старых порядков.

Соответственно, формальная пресса также активно продвигала денежную реформу как исключительно положительный продукт действий советского правительства. Данная позиция нашла отражение в журнале «Советские финансы» за декабрь 1947 года. В жур-

нале было найдено 2 статьи, которые подают материал о реформе с позиции идеального социалистического продукта, не затрагивая никаких минусов. В целом, авторы публикаций справились со своими задачами, но мы всё же понимаем, что идеологическая составляющая будет преобладающей.

Исследуя большой массив газетных изданий, стоит отметить, что информация сознательно повторялась. Мы можем увидеть метод повторения информации для плотного внедрения идеи в сознание. Список исследованных изданий сократился до 4 изданий: «Правда», «Комсомольская Правда», «Горьковская коммуна», «Сталинский путь». «Грамматика убеждения основывается на утверждении и повторении, на этих двух главенствующих правилах.»[2] Как видно из этого списка в поле нашего зрения 2 общегосударственных газеты и 2 местные газеты: «Горьковская коммуна» - газета Горьковского обкома и горкома ВКП (б), областного и городского Советов депутатов трудящихся, «Сталинский путь» - газета Больше-Маресьевского сельсовета Лукояновского района Горьковской области. Эти издания помогают рассмотреть ситуацию как на общесоветском, так и на местном уровне.

Анализируя прессу, часто встречаются такие слова и выражения как: «с большим удовлетворением встретили постановление», «вся страна горячо одобряет денежную реформу и отмену карточной системы», «тов. Сталин заботится о трудовом человеке», и многие другие. Подобные слова и выражения создают впечатление того, что информация несёт во многом пропагандистский характер – постоянное повторение создаёт благоприятное впечатление о реформе, тем самым формирует доверие к правительству и тому, что оно делает.

Также материалом для изучения становится использование публикаций из иностранных газет на денежную реформу в СССР. В выпуске газеты «Правда» от 17 декабря 1947 г. помещена заметка о том, как Чехословацкие власти отреагировали на советскую реформу. Заметка выступила контрастом по отношению к тому, что писали советские корреспонденты. Но данную заметку допустили до печати, значит, подобное отношение к реформе укрепляет политику советского правительства в отношении народа. Международные газеты поддерживают Советский Союз, говорят, что «реформа поддерживает народ,

укрепляет советский союз»[3.,с.4]. Укрепляется положение реформы на международном уровне – рост влияния на уровне Советского Союза.

Проанализировав периодическую печать за период с 15 декабря 1947 года по март 1948 можно отметить следующие черты содержания газетных статей и журналов:

1. Прослеживается пропагандистский характер заголовков газет, настраивающий читателя на положительное отношение к опубликованному материалу;

2. Большинство статей из газет и журналов описывают только положительные моменты реформы, не находя в ней никаких недостатков, тем самым формируя доверие к действиям Советского правительства;

3. Формы подачи материала разнообразны, тем самым правительство привлекало на свою сторону большое количество населения, даже недовольных реформой.

Важность использования визуальных источников в данном исследовании неоспорима, поскольку влияние на образное мышление людей – активный рычаг на воздействие на массовое сознание. Эмоции, моральные качества и установки, убеждения – отличные инструменты для организации необходимого мнения. Поэтому активно использовались плакаты, наклейки на спичечных коробках, чтобы образ запоминался в результате многократного повторения – создание наглядной картины, доступной для принятия.

Использование визуального образа облегчает восприятие мысли зрителем. «Зрение – это способ мышления, декодирующий знаки, выраженные в предметах. Такой вид мыслительных операций способен восполнять недостающее по имеющимся деталям для создания цельного образа, субъективной реальности.»[4, с.291] Соответственно, каждый знак данного плаката будет являться элементом общей мысли, которую вкладывал автор, не обходясь без влияния правительственных структур. Мысль, как мы понимаем, заключалась в том, чтобы население увеличило количество вкладов в сберегательных кассах, а как ими распорядится государство – это закрытая для общества информация.

Мы также можем понять, что государство хотело создать образ и нового, послевоенного советского человека, который активно заинтересован в восстановлении народного хозяйства, стремящийся воплотить все свои возможности ради высокой цели. Подобный иде-

ал был необходим для властных структур, потому что советский человек был политически и идеологически образован, соответственно, для развития подобного идеала необходимо постоянное закрепление политических идей, развитие моральных качеств личности.

Не стоит забывать также и о том, что само население двигало массовое сознание, порождая слухи о реформе, додумывая и домысливая действия правительства. Но как бы то ни было «природа слухов парадоксальна. С одной стороны, всеми признается недостоверность слухов, с другой стороны — очень многие им доверяют, мало того — готовы ориентироваться на них в своем социальном, значимом по последствиям поведении.»[5] Поэтому поведение населения было разнообразным: кто-то действительно верил данным слухам, а кто-то продолжал беспечное существование. Однако, правительство также следило за нарастающими настроениями в обществами, чтобы держать всё под контролем и, соответственно, правильно подать готовящуюся реформу до населения. Сохранились документы, которые подтверждали, что шли слухи о реформе, и что население готовилось к предстоящему мероприятию власти.

Население волновалось, поскольку перемены затрагивали очень важную сферу общественной жизни. Нельзя было оставлять данные настроения без контроля, иначе было бы невозможно добиться желаемого результата. При этом:

1. Правительство активно контролировало всё что происходило в обществе, а также изучало общественное мнение во всех сферах

2. Не был проведён подготовительный этап, который мог бы создать подготовленное информационное и психологическое пространство для внедрения идей Советского правительства

3. МВД и правительство активно следило и за злоупотреблениями в торгово-финансовой среде, тем самым приводило свою политику в жизнь при помощи силовых мер и закона.

Следовательно, при формировании массового сознания и необходимой реакции населения на реформу правительство получало не всегда желаемый результат.

Таким образом, мы подошли к пониманию дальнейших перспектив исследования:

1. Сравнение создаваемой картины и

реальных реакционных проявлений населения

2. Изучение способов сдерживания реакции населения

3. Изучение динамики трансформации общественного мнения

Изучение реакции населения и взаимодействия власти и общества являются полезными направлениями в современной исторической науке, поскольку несут в себе социально-практический характер, чтобы помочь наладить ситуацию и в современной России.

Литература

1. *Философский словарь* / Под ред. И.Т. Фролова. - 4-е изд.-М.: Политиздат, 1981.
2. *Кара-Мурза С.Г.* Манипуляции сознанием [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kara-murza.ru/books/manipul/manipul49.htm>
3. «Правда» от 15 декабря 1947 г. по 31 марта 1948 г. // № от 17.12. 1947 г.
4. *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия. СПб.: Наука. – 1999.
5. *Осетрова Е.В.* Природа слухов // [электронный ресурс]. URL: <http://gazeta.sfu-kras.ru/node/311>
6. Докладная записка министра внутренних дел СССР Крутлова о распространении слухов о подготовке денежной реформы и реакции населения на эти слухи Товарищу Сталину И.В. товарищу Берия Л.П. товарищу Вознесенскому Н.А. товарищу Кузнецову А.А. от 29.11.1947 // ГА РФ, ф. 9401, оп. 2, д. 171, л. 332-336
7. Докладная записка министра внутренних дел СССР Крутлова о распространении слухов о подготовке денежной реформы и реакции населения на эти слухи Товарищу Сталину И.В. товарищу Берия Л.П. товарищу Вознесенскому Н.А. товарищу Кузнецову А. А. от 2.12.1947 // ГА РФ, ф. 9401, оп. 2, д. 171, л. 354-359
8. Докладная записка министра внутренних дел СССР Крутлова о распространении слухов о подготовке денежной реформы и реакции населения на эти слухи Товарищу Сталину И.В. товарищу Берия Л.П. товарищу Вознесенскому Н.А. товарищу Кузнецову А.А. от 21.05.1948// ГА РФ, ф. 9401, оп. 2, д. 200, л. 102-106
9. Крокодил. 1948. № 1. с. 10.
10. Советские финансы. 1947. № 12. 30 с.
11. Комсомольская правда. 1947. с 15 декабря по 31 марта 1948 г.
12. «Горьковская коммуна» от 15 декабря 1947 г. по 31 марта 1948 г.
13. «Сталинский путь» от 15 декабря 1947 г. по 31 марта 1948 г.
14. Минск. Декабрь 1947 г./ [электронный ресурс]. URL: http://www.youtube.com/watch?v=pyd_1ISYEvE
15. Денежная реформа 1947 г./ [электронный ресурс]. URL: http://vk.com/video8836512_164178580
16. [электронный ресурс]. URL: <http://sovietposters.narod.ru>
17. [электронный ресурс]. URL: <http://www.matchboxes.narod.ru>
18. [электронный ресурс]. URL: <http://www.savok.org/predmety/1144-spichenyenaklejki-v-sssr.html>
19. *Гузенина С.В.* Визуальный образ как форма репрезентации // Журнал научных публикаций «Дискуссия» № 8 (16) октябрь 2011 С. 124 - 127.
20. *Ефремова Т.Ф.* Современный толковый словарь русского языка. В 3 томах. Том 1.
21. *Зызыкин В.Г.* Психология в рекламе. М.: ДатаСтром, 1992.
22. *Зелинский С.А.* Информационно-психологическое воздействие на массовое сознание. СПб.: Издательско-Торговый Дом «СКИФИЯ», 2008.
23. *Зубкова Е.Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999.
24. *Кабанов В.В.* Источниковедение истории советского общества. М., 1997
25. *Кузеванова Н.С., Симбирцева Н.А.* Специфика визуального образа // Материалы заочной научно-практической конференции «Инновации в современном мире». [электронный ресурс]. URL: sibac.info
26. *Леонтьев А.Н.* Психология образа. [электронный ресурс]. URL: <http://www.psychology-online.net/articles/doc-1179.html>
27. *Николаева М.Ф.* Советское плакатное искусство как материал для культурологического исследования // Ярославский педагогический вестник. 2012. №1. Т.1 (Гуманитарные науки) С. 323-326.
28. *Чуднов И.А.* Денежная реформа 1947 г. глазами современников // Социологические исследования. 1999. № 2. С 99-101.